

Житие святых Царственных страстотерпцев: императора Николая, императрицы Александры, царевича Алексея, великих княжен Ольги, Татианы, Марии и Анастасии

Император Всероссийский Николай II родился 6 мая 1868 года в день святого праведного Иова Многострадального. Он был старшим сыном Императора Александра III и его супруги Императрицы Марии Феодоровны (дочери датского короля Христиана VII) и от рождения был предназначен для управления одной из величайших империй мира.

Воспитание, полученное им под руководством отца, было строгим, почти суровым. «Ни я, ни Великая Княгиня не желаем делать из них оранжерейных цветов. Они должны хорошо молиться Богу, учиться, играть, шалить в меру. Мне нужны нормальные здоровые русские дети», — таковы были инструкции, дававшиеся Императором Александром III первой учительнице сыновей, А. П. Олленгрэн. Воспитание Наследника было строго православным, и еще маленьким ребенком он проявлял особую любовь к Богу.

Наследник получил весьма хорошее домашнее образование. Программа его воспитания и образования исполнялась добросовестно: Император знал несколько языков, хорошо разбирался в военном деле и был весьма эрудированным человеком. Для подготовки Цесаревича к

государственному поприщу в его школьную программу были введены и занятия по политической истории.

Образование было завершено в 1890 году. В конце того же года Цесаревич отправляется в длинное, почти кругосветное путешествие. Посещает Египет, Индию и Японию, с возвращением в Петербург через Сибирь. В Японии в городе Оцу на него было совершено покушение — спас его греческий королевич Георгий, отклонивший удар фанатика. После его возвращения Александр III постепенно начинает привлекать Наследника к участию в государственном управлении. Цесаревич состоял председателем Комитета по сооружению Великого Сибирского пути, возглавлял Комитет по борьбе с голодом в 1891–1892 годах; заседал в Государственном совете и в Комитете министров.

Первое серьезное испытание силы воли Цесаревичу Николаю Александровичу пришлось выдержать в связи с его женитьбой. Еще в 1884 году он впервые увидел на свадьбе своего дяди Великого Князя Сергея Александровича и Великой Княгини Елизаветы Феодоровны сестру невесты — юную принцессу Алису Гессен-Дармштадтскую.

Императрица Александра Феодоровна (принцесса Алиса Виктория Елена Луиза Беатриса) родилась 25 мая 1872 года в Дармштадте, столице небольшого германского герцогства, к тому времени уже насильственно включенного в Германскую империю.

Отцом Алисы был Великий Герцог Гессен-Дармштадтский Людвиг, а матью — принцесса Алиса Английская, третья дочь королевы Виктории. В младенчестве будущая Русская Императрица, принцесса Алиса, была веселым, живым ребенком, получив за это прозвище «Санни» (Солнышко). Дети Гессенской четы (их было семеро) воспитывались в глубоко патриархальных традициях. Жизнь их проходила по строго установленному матерью регламенту, ни одной минуты не должно было проходить без дела. Одежда и еда детей были очень простыми. Девочки сами зажигали камины, убирали свои комнаты. Мать старалась с детства привить им качества, основанные на глубоко христианском подходе к жизни.

Первое горе Аликс, так звали Алису близкие, перенесла в шесть лет — в это время в возрасте всего тридцати пяти лет от дифтерии умерла ее мать. После пережитой трагедии маленькая Аликс стала замкнутой, отчужденной, начала сторониться незнакомых людей; успокаивалась она только в семейном кругу. После смерти дочери Королева Виктория перенесла свою любовь на ее детей, особенно на младшую Аликс. Ее воспитание, образование отныне происходило под контролем бабушки. Будущая Императрица по характеру, вкусам и привычкам была скорее англичанкой, чем немкой. Аликс была необычайно прилежной ученицей, уже в пятнадцать лет она основательно разбиралась в истории, географии, английской и немецкой литературе, превосходно играла на фортепиано. Принцесса имела интерес к философии и даже к политическим вопросам.

С момента встречи Цесаревича Николая Александровича и принцессы Алисы между ними зародилась крепкая дружба, перешедшая затем в глубокую и все возрастающую любовь. Когда в 1889 году, достигнув совершеннолетия, Наследник обратился к родителям с просьбой благословить этот брак, последовал отказ отца, мотивированный молодостью Наследника. Пришлось смириться перед суровой отцовской волей. В 1894 году, видя непоколебимую решимость сына, обычно мягкого и робкого с отцом, Александр III дает благословение на брак. Единственным препятствием оставался переход

в Православие, требуемый российским законом от невесты Наследника. Протестантка по воспитанию, Алиса была глубоко убеждена в истинности своего исповедания и долго противилась перемене вероисповедания. Переубедить ее стоило больших трудов Цесаревичу, но после долгих уговоров принцесса согласилась. «Чудный и незабвенный день в моей жизни, — день моей помолвки с ненаглядной моей Аликс», — напишет Наследник в своем дневнике 8 апреля 1894 года.

Впрочем, скоро эта радость взаимной любви была омрачена резким ухудшением здоровья отца — Императора Александра III. Поездка в Крым осенью 1894 года не принесла облегчения; тяжелый недуг неумолимо уносил силы Царя. 20 октября в Ливадийском дворце Император скончался, а на следующий день принцесса Алиса была присоединена к Православию через Миропомазание в дворцовой церкви Ливадийского дворца, получив имя Александры Феодоровны. Несмотря на траур по отцу, бракосочетание было решено не откладывать, но оно состоялось в самой скромной обстановке 14 ноября 1894 года. Наступившие затем дни семейного счастья вскоре сменяются для нового Императора необходимостью принятия на себя всего бремени управления Российской империей.

Ранняя смерть Александра III не позволила ему завершить подготовку Наследника к исполнению обязанностей монарха. Он еще не был введен в курс высших государственных дел, многое ему пришлось уже после восшествия на престол узнавать из докладов своих министров. Все это вместе с сознанием величайшей ответственности за судьбу государства приводило подчас самого Государя к признанию своей неподготовленности к власти, в этом он признавался вскоре после смерти отца Великому Князю Александру Михайловичу, говорила об этом впоследствии и Императрица Александра Феодоровна.

Впрочем, характер Государя, которому при воцарении было двадцать шесть лет, и его мировоззрение к этому времени уже определились. Но они почти не были известны русскому народу и обществу — Цесаревича заслоняла мощная фигура Александра III. Наследник производил впечатление человека мягкого и тактичного в обращении; его скромность, осмотрительность и отсутствие внешней решительности многих приводили к выводу об отсутствии у него сильной воли. Лица, стоявшие близко ко двору, отмечали его живой ум — он всегда быстро схватывал существо докладываемых ему вопросов, — прекрасную память, особенно на лица, благородство образа мыслей. Основой взглядов Императора Николая II было политическое завещание отца: «Я завещаю тебе любить все, что служит ко благу, чести и достоинству России. Охраняй самодержавие, памятуя притом, что ты несешь ответственность за судьбу твоих подданных перед престолом Всевышнего. Вера в Бога и святость твоего царского долга да будет для тебя основой твоей жизни. Будь тверд и мужествен, не проявляй никогда слабости. Выслушивай всех, в этом нет ничего позорного, но слушайся самого себя и своей совести».

К. П. Победоносцев, бывший в числе наставников Цесаревича, привил своему царственному ученику отрицательный взгляд на парламентское правление как на «великую ложь», а также пренебрежение к «страшной власти, именующей себя общественным мнением». Государь глубоко верил, что для стомиллионного русского народа царская власть была и остается священной. В нем всегда жило представление о том, что Царю и Царице следует быть ближе к народу, чаще видеть его и больше доверять ему, потому что он не обманет того, кого почитает почти равным Богу, и всегда скажет правду, не то что министры и чиновники, которым нет никакого дела до народных слез и нужды. Сам Государь высказывался неоднократно в том духе, что не может быть никакого сомнения в великой к нему народной любви. Народ скорбит лишь о том, что недостаточно часто видит его. Между тем появление на престоле нового Царя возбудило в обществе совсем иные надежды — на продолжение политики реформ Царя-Освободителя Александра II, почти совершенно отвергнутых в годы правления его сына. Этому способствовала эпоха внешнего и внутреннего спокойствия — революционные партии были разбиты в начале 1880-х годов и еще не сложились в новую силу. Общество в то время было готово ограничиться самой умеренной программой реформ. По случаю вступления на престол земские круги обращались к Государю с адресами, в которых нашли место сдержанные, облеченные в самую почтительную форму пожелания скромной конституционной реформы и некоторых мероприятий по улучшению материального и правового положения крестьян. В ответ на эти пожелания, звучавшие во «всепопданнейших адресах» от земств — а они выступали от лица значительной части русского общества, 17 января 1895 года Император обещал «охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял их Император Александр III». С точки зрения Государя это было, безусловно, актом политической честности — он действительно считал, что несокрушимость самодержавия — необходимое условие процветания России и ее народа. Однако общественный резонанс первого выступления Императора был отрицательным. С самого начала царствования наметилось напряжение между Царем и либерально настроенной частью общества.

1896 год был ознаменован пышным коронационным торжеством в Москве. Венчание на Царство — важнейшее событие в жизни монарха, в особенности, когда он проникнут глубокой верой в свое призвание. Над Царской четой было вторично совершено Таинство святого Миропомазания в знак того, что «как нет выше, так и нет труднее на земле царской власти, нет бремени тяжелее царского служения», для чего необходимо особое благодатное укрепление сил монарха. С этой минуты Государь почувствовал себя подлинным Помазанником Божиим. С детства обрученный России, он в этот день как бы повенчался с ней.

Последующие дни коронационных торжеств были омрачены страшной катастрофой на Ходынском поле. В ночь на 18 мая толпа, ожидавшая раздачи царских подарков, внезапно пришла в движение, и произошла давка, в которой погибло более тысячи человек и ранено несколько сот. На следующий день Царственные супруги были на панихиде по погибшим и позаботились об оказании помощи пострадавшим; виновники катастрофы понесли взыскания. Став Верховным Правителем огромной империи, в руках которого практически сосредотачивалась вся полнота законодательной, исполнительной и судебной власти, Николай Александрович взял на себя громадную историческую и моральную ответственность за все происходящее во вверенном ему государстве.

Оценки Николая II как государственного мужа крайне противоречивы. Говоря об этом, никогда не следует забывать, что, осмысляя государственную деятельность с христианской точки зрения, мы должны оценивать не ту или иную форму государственного устройства, не место, которое занимает конкретное лицо в государственном механизме. Оценке подлежит лишь то, насколько то или иное лицо сумело воплотить в своей деятельности христианские идеалы. Следует отметить, что Николай II относился к несению обязанностей монарха весьма серьезно, как к священному долгу. Первые годы царствования Императора Николая II были относительно спокойными, что позволило правительству провести ряд реформ, благотворно сказавшихся на положении в Российской империи. В 1896 году проведена денежная реформа, давшая России твердую, обеспеченную золотом валюту. Министр финансов граф С. Ю. Витте подчеркивал, что в осуществлении этой реформы, у которой было много противников, решающую роль сыграло положительное мнение Императора. В 1901 году проведена школьная реформа, за десять лет кредиты на образование возросли в два раза.

Забастовки на заводах и фабриках заставили правительство обратить внимание на рабочий вопрос. Государь вслух неоднократно высказывал мысль, что вопрос этот близок его сердцу. И это проявлялось в последовательной поддержке им развития социального законодательства в направлении защиты и расширения прав рабочих и ограничения привилегий предпринимателей на всем протяжении его царствования. Своим личным участием в разрешении этого вопроса он желал внести успокоение в рабочую среду. Тяжелое положение в деревне, постоянная угроза голода, разорение крестьянских хозяйств и упадок помещичьего землевладения сделали аграрный вопрос одним из важнейших. Чтобы сдвинуть его с мертвой точки, в губерниях были созданы комитеты по выяснению нужд сельскохозяйственной промышленности. Их работа была достаточно плодотворной, но не смогла предотвратить новые вспышки крестьянских волнений в разных местах. В первые годы XX века снова начинается и революционный террор, подавленный Императором Александром III. Происходит ряд политических убийств и волнений в

городах. Эти факты свидетельствуют о такой степени общественного напряжения, когда государственная власть уже теряет контроль над ситуацией. Вскоре это напряжение разрешилось революционным взрывом 1905 года.

Жизнь Царской четы в эти годы была ровной и счастливой. Император, от природы замкнутый, чувствовал себя спокойно и благодушно, прежде всего, в узком семейном кругу, а по-настоящему знала его только Александра Феодоровна. Семья и для Императрицы была главным в жизни. Этому способствовали как природные свойства ее характера, так и постепенно назревавший конфликт с высшим светским обществом. Императрица не любила светского общения, балов. Застенчивость Александры Феодоровны расценивалась как холодность и надменность. Ее строгому воспитанию была чужда моральная распущенность, царившая в придворной среде, религиозность Императрицы называли странностью, даже ханжеством.

Действительно, глубокая религиозность выделяла Императорскую чету среди представителей тогдашней аристократии. Конечно, религиозным духом было проникнуто с самого начала воспитание детей Императорской фамилии. Все ее члены жили в соответствии с традициями православного благочестия. Обязательные посещения богослужений в воскресные и праздничные дни, говение во время постов были неотъемлемой частью дворцового быта. Однако личная религиозность Государя и в особенности его супруги было, бесспорно, чем-то большим, чем простое следование традициям. Царская чета не только посещает храмы и монастыри во время своих многочисленных поездок, поклоняется чудотворным иконам и мощам

святых, но и совершает настоящие паломничества, как это было в 1903 году во время прославления преподобного Серафима Саровского. Краткие богослужения в придворных храмах не удовлетворяют уже Императора и Императрицу. Специально для них совершаются службы в Царскосельском Феодоровском соборе, построенном в стиле XVI века. Здесь в атмосфере московской Руси времен Царя Алексея Михайловича, особенно любимого Императором Николаем, можно было вполне проникнуться духом уставного православного богослужения, древнерусского благочестия. Императрица Александра молилась здесь перед аналоем с раскрытыми богослужебными книгами, внимательно следя за богослужением. Специально для нее в алтаре вслух читались все священнические молитвы. Через год после свадьбы, 3 ноября 1895 года, рождается первая дочь — Великая Княжна Ольга; за ней последовало появление на свет трех полных здоровья и жизни дочерей, которые составляли радость своих родителей — Великих Княжон Татьяны (29 мая 1897 года), Марии (14 июня 1899 года) и Анастасии (5 июня 1901 года). Но эта радость была не без примеси горечи — заветное желание Царской четы могло осуществить лишь рождение Наследника. Это произошло 12 августа 1904 года, через год после паломничества Царской семьи в Саров на торжество прославления преподобного Серафима. Казалось, что все горести забыты и начинается новая светлая полоса в семейной жизни. Но уже через несколько недель после рождения Царевича выяснилось, что он болен гемофилией. Жизнь ребенка все время висела на волоске — малейшее кровотечение могло привести его к смерти. Особенно были сильны страдания матери, так как именно она невольно оказалась причиной страшной болезни сына. Внешнюю политику Императора Николая II всегда отличало стремление привносить в государственную жизнь христианские религиозно-нравственные принципы своего мировоззрения. Еще в 1898 году он обратился к правительствам Европы с предложением о созыве конференции для обсуждения наиболее эффективных методов обеспечения и сохранения всеобщего мира и установления пределов в отношении роста вооружений. Вследствие этого обращения состоялись Гаагские мирные конференции 1899 и 1907 годов, решения которых в значительном объеме действительны по сей день. Но, несмотря на искреннее стремление Государя к миру, в его царствование Россия участвовала в двух кровопролитных войнах, приведших к внутренним смутам.

28 января 1904 года Япония без объявления войны начала военные действия под Порт-Артуром. Хотя Император придавал большое значение азиатской политике, страна, внезапно втянутая в войну, оказалась к ней не готовой. Общественное мнение не вдохновляла идея величия империи, к войне оно было равнодушно, а «левые» — активно против. Тем не менее, в первый момент возобладало патриотическое настроение: надо было дать отпор Японии! Война, однако, сразу же приобрела неблагоприятный для России характер. Русская армия

начала отступление и терпела одно поражение за другим. Государь весь 1904 год много ездил по России, посещал воинские части, напутствуя уходящих на фронт. Но в целом положение все ухудшалось. 19 декабря после многомесячной героической обороны Порт-Артур был сдан. Окончательным ударом стала гибель значительной части русского флота в Цусимском проливе 14 мая 1905 года. Благодаря успехам русской дипломатии на Портсмутской конференции, мир был заключен на сравнительно выгодных для России условиях, но пришлось отдать Порт-Артур и южную половину Сахалина японцам. Государь не ожидал согласия Японии и не желал его. Но когда это случилось, принял его как промыслительное: «Это, вероятно, хорошо, потому что должно быть так», — пишет он в своем дневнике.

Подобные слова часто слышали из уст Государя близкие ему люди. Здесь бесспорно видится его твердая вера в Промысл Божий. По словам графа В. Н. Коковцова, Император «верил в то, что он ведет Россию к светлому будущему, что все ниспосылаемые судьбою испытания и невзгоды мимолетны и, во всяком случае, преходящи и что даже если лично ему суждено перенести самые большие трудности, то тем ярче и безоблачнее будет царствование его нежно любимого сына... до самой минуты отречения эта вера не оставляла его». Этот оптимизм действительно был в характере Государя, он, бесспорно, скрашивал ему весьма безутешные дни его царствования. Противоречивость, которую наблюдатели отмечают в поведении Государя, во многом объяснялась и чувством бессилия под натиском неумолимых обстоятельств, в частности ввиду драматических событий в семейной жизни. Полны подспудного смысла слова Императора, произнесенные им в размышлениях о безнадежном положении в Первой Думе: «Бывает, что и самая безнадежная болезнь проходит каким-то чудом, хотя едва ли в таких делах бывают чудеса». Невозможность для России продолжать войну была вызвана и угрожающим ростом внутренних беспорядков. Причиной их были как чисто внутренние проблемы русской жизни — тяжелое положение простого народа, которым пользовались революционеры, и конфронтация с правительством значительной части русского образованного общества, и тягостные слухи о военных поражениях. Революция начинается в Петрограде, где в рабочей среде особенно преуспели революционные агитаторы. В первые дни 1905 года действовавшее в Петербурге «Собрание русских фабрично-заводских рабочих», во главе которого стоял священник Георгий Гапон, организовало забастовку, скоро охватившую большинство столичных предприятий. Бастующие требовали не только улучшения своего экономического положения. Под влиянием социалистов, входивших в забастовочные комитеты, была составлена программа, включавшая ряд заведомо невыполнимых политических требований (немедленные выборы в Учредительное собрание, обеспечение демократических свобод). Все это было изложено в петиции к Царю, которому предлагалось в ультимативной форме («покайся исполнить их»)

принять все требования рабочих. Было принято решение организовать 9 января массовое шествие рабочих к Зимнему дворцу, чтобы отдать петицию лично Императору. Российское же законодательство не предусматривало права подачи Императору такого рода петиций кем бы то ни было, кроме представителей дворянского сословия, и даже предполагало привлечение к суду их составителей.

Первоначально событиям в Петербурге власти не придали особого значения и не приняли никаких мер. Государь же был проинформирован о них лишь 5 января.

6 января, при совершении водоосвящения на Неве во время салюта был произведен выстрел картечью, одна из пуль упала рядом с Царем. Расследование показало, что злого умысла здесь не было, но все говорили о покушении. Вечером того же дня Император отбыл в Царское Село, а власти столицы стали пытаться предотвратить шествие. Переговоры с Гапоном ни к чему не привели, напротив, забастовка стала всеобщей. Здесь был допущен ряд ошибок: Государь, от которого министр внутренних дел князь П. Д. Святополк-Мирский скрыл истинный размах движения, отменил введенное в столице военное положение; решено было также допустить шествие на рабочих окраинах, лишь воспрепятствовав ему проникнуть в центр города. Это делало практически неизбежным столкновение рабочих с войсками. Утром 9 января шествие, неся иконы и царские портреты, которые должны были придать ему миролюбивый и пристойный характер, двинулось с городских окраин к центру. Отсутствие слаженности в поведении полиции и войск, а также явно провокационное поведение Гапона и других революционеров, стремившихся направить рабочих по пути жесткого противостояния властям, привело к тому, что войскам во многих местах пришлось стрелять по толпе, но холостые выстрелы не могли остановить шествие. Убито было сто пятьдесят-двести человек, еще больше ранено. Хотя в Петербурге сопротивление к вечеру было подавлено, события 9 января стали началом революции в России.

Трагический смысл случившегося Император осознал уже вечером того же дня. Нарочито избегавший в своем дневнике пространных и эмоциональных оценок происходящего он сделал следующую дневниковую запись: «Тяжелый день. В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело». В стране между тем усиливается террор. 4 февраля был убит взрывом бомбы дядя Государя, московский генерал-губернатор Великий Князь Сергей Александрович. Активизировалась и умеренная оппозиция, мечтавшая о программе реформ. Звучали призывы созвать Земский Собор или Учредительное собрание. Ввиду серьезности положения Государь 18 февраля издает Манифест, где призывает всех верных сынов Отечества на борьбу с крамолой. На следующий день в рескрипте на имя министра внутренних дел А. Г. Булыгина Император пишет о

своем намерении «привлекать достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предложений».

Теоретически Император продолжал считать самодержавную монархию более совершенной формой правления, чем парламентскую, в особенности для России, где не было соответствующих традиций, и значительная часть общества стояла в открытой оппозиции правительству. Но он продолжал глубоко верить и в то, что отношение к нему большинства населения совершенно иное, а смута — чисто наносное, городское явление. Государь допускал возможность поделиться властью с народными представителями, но видел опасность в том, что основная часть населения увидит в этом насилие интеллигенции над Царем, что приведет к народным волнениям. Кроме того, снятие с себя части ответственности в пользу парламента было для Государя равносильно отказу от своего священного долга, проявлением малодушия и безответственности — ведь еще неизвестно, как поведут себя народные избранники. Впоследствии действительность часто оправдывала самые худшие подозрения.

Летом 1905 года Государь делает ряд шагов навстречу оппозиционному обществу. В газетах появляются первые сведения о проекте представительного собрания, носящего название Государственной Думы. Сам Государь внутренне сомневался в полезности этого шага, но, видя, насколько всеобщим становится это стремление, старался обставить свои начинания известными предосторожностями, чтобы не открыть шлюзы перед революцией. Революционные вспышки тем временем продолжают, достигнув апогея в октябре, когда в результате всеобщей политической забастовки вся жизнь страны была парализована. Правительству в лице С. Ю. Витте был представлен ряд требований: Учредительное собрание, демократические выборы, свобода стачек, союзов, восьмичасовой рабочий день. В докладной записке Государю Витте писал: «Лозунг „свобода“ должен стать лозунгом правительственной деятельности. Другого исхода для спасения государства нет. Выбора нет: или стать во главе охватившего страну движения, или отдать ее на разграбление стихийных сил».

Записка Витте с широкой программой реформ, в основном соответствующих решениям земских съездов, 10 октября была представлена Императору. «Представлялось избрать, — писал Государь, — один из двух путей: назначить энергичного военного человека и всеми силами постараться раздавить крамолу; затем была бы передышка, и снова пришлось бы через несколько месяцев действовать силой. Но это стоило бы потоков крови и в конце концов привело бы к теперешнему результату, то есть авторитет власти был бы показан, но результат оставался бы тот же самый... Другой путь — предоставление гражданских прав населению... Кроме того —

обязательство проводить всякий законопроект через Государственную Думу — это, в сущности, и есть конституция. Почти все, к кому я обращался с вопросом, отвечали мне так же, как Витте, и находили, что другого выхода нет». Свой шаг Государь называет «страшным решением», которое он, тем не менее, принял совершенно сознательно. В Манифесте, изданном 17 октября, населению были дарованы все гражданские свободы, значительно расширился круг людей, наделенных избирательным правом. Ни один закон отныне не мог быть принят без одобрения Государственной Думы. Пойдя, вопреки своим убеждениям, в 1905 году на подписание Манифеста, реально ограничившего власть Самодержавного Государя, Император никогда не пытался отменить этот законодательный акт.

Тем временем разгул насилия в стране вынуждал к энергичным действиям. Подавление очагов революционного насилия в Москве в декабре 1905 года и в других местах потребовало энергичных, подчас жестоких ответных мер. В 1906 году напор революции спадает, но до конца ее было еще далеко. В таких условиях проходит дальнейшая разработка закона о государственном устройстве России и выборы в Первую Думу (март 1906). Думы первого и второго созывов просуществовали недолго, обнаружив свою крайнюю оппозиционность Самодержцу и правительству и полную неспособность к реалистическому законодательному творчеству. 9 июня 1907 года, в день роспуска Второй Думы премьер-министром назначается П. А. Столыпин, ставший главным советником Государя в решении неотложных государственных задач — из них главными были борьба с террором и осуществление назревших реформ, в первую очередь, органов народного представительства. 25 августа была опубликована программа законодательных мер, устанавливающая гражданское равноправие, веротерпимость, неприкосновенность личности, улучшение крестьянского землевладения и быта рабочих, реформы суда и школы.

Во время своего царствования Император уделял огромное внимание нуждам Православной Церкви. Согласно законодательству Российской империи он был «Верховным Хранителем и Защитником господствующей веры, блюстителем Православия и всякого в Церкви Святой благочиния». Как и все Российские Императоры Николай II щедро жертвовал на постройку новых храмов, в том числе и за пределами России. За годы его царствования число приходских церквей в России увеличилось более чем на десять тысяч, было открыто более двухсот пятидесяти новых монастырей. Император лично участвовал в различных церковных торжествах, в закладке новых храмов.

Личное благочестие Государя проявилось в том, что за годы его царствования было канонизировано святых больше, чем за два предшествующих столетия, когда было прославлено лишь пять святых угодников. За время его царствования к лику святых были причислены святитель Феодосий Черниговский (1896 год), преподобный Серафим

Саровский (1903 год), святая княгиня Анна Кашинская (восстановление почитания в 1909 году), святитель Иоасаф Белгородский (1911 год), святитель Гермоген Московский (1913 год), святитель Пителир Тамбовский (1914 год), святитель Иоанн Тобольский (1916 год). При этом Император вынужден был проявить особую настойчивость, добиваясь канонизации преподобного Серафима Саровского, святителей Иоасафа Белгородского и Иоанна Тобольского. Ему пришлось тут столкнуться с возражениями некоторых членов Святейшего Синода. Высоко чтит Николай II и праведного Иоанна Кронштадтского. После его блаженной кончины Царь повелел совершать всенародное молитвенное поминовение почившего в день его преставления.

В то же время неотложной необходимостью стала коренная реформа церковного управления, возрождение соборности и другие реформы в жизни Церкви. Открыто об этом стали говорить в 1905 году. На Пасху этого года Император издал указ о веротерпимости. По этому указу были расширены права старообрядцев и сектантов, которым вернули их молитвенные дома. Православная Церковь столкнулась в связи с этим с рядом серьезных проблем — в западном крае десятки тысяч крестьян вернулись к униатству, деятельность сектантов и старообрядцев сразу же приняла широкие масштабы. В этой ситуации несвобода Церкви, существовавшая с Петровской эпохи, стала вызывать все больше нареканий среди духовенства и церковной общественности. Раздаются голоса о необходимости Поместного Собора, восстановления Патриаршества и других церковных реформ. Со стороны священноначалия энергичные попытки по восстановлению соборного начала в управлении Церковью были предприняты в 1905 и 1906 годах. Возглавил это движение Первоприсутствующий в Святейшем Синоде митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский). Приглашенный на заседание особого совещания по проведению реформ, он заявил:

«Если не изменить правового положения господствующей Церкви, она одна будет оставлена стесненной опекой государства». Эта опека связывает самостоятельность духовенства и «делает голос Церкви совсем неслышным ни в частной, ни в общественной жизни». Митрополит подал меморандум, в котором просил «устранить или хотя бы ослабить ту постоянную опеку и тот слишком бдительный контроль светской власти над властью церковной, которая лишает Церковь самостоятельности и инициативы». Однако, по ходатайству К. П. Победоносцева, бывшего сторонником синодального строя, вопрос о проведении церковных реформ был изъят из ведения особого совещания и передан в Святейший Синод.

После трех заседаний Синода 22 марта 1905 года Императору был подан доклад с предложением «пересмотреть нынешнее государственное положение Церкви в России», «возглавить Синод Патриархом» и «созвать в Москве для обсуждения церковных преобразований Поместный Собор». 31 марта Государь наложил на

докладе Синода резолюцию, в которой признавалась необходимость созыва Собора, но в то же время Царь считал неудобным созыв Собора «в настоящее тревожное время». Николай II дал разрешение на открытие Предсоборного Присутствия, в тематику которого входили вопросы высшего церковного и епархиального управления, церковного суда, благоустройства приходов, состояния духовных школ. Указом Святейшего Синода от 27 июля 1905 года епархиальным архиереям было поручено представить свои соображения о желательных церковных преобразованиях. Отзывы архиереев поступили к концу года и сразу же были напечатаны. В них дана трезвая и жесткая оценка существующего положения. Решительное большинство епископов высказалось за созыв Поместного Собора. 17 декабря 1905 года Николай II дал аудиенцию трем высшим иерархам: митрополитам Петербургскому Антонию, Московскому Владимиру и Киевскому Флавиану (Городецкому) и обсудил с ними вопрос о созыве Собора. На этой аудиенции Император заявил: «В настоящее время, при обнаружившейся расшатанности в области религиозных верований и нравственных начал, благоустройство Православной Российской Церкви — хранительницы вечной христианской истины и благочестия — представляется делом неотложной необходимости».

16 января 1906 года Государь утвердил состав Предсоборного Присутствия во главе с митрополитом Антонием. Заседания Предсоборного Присутствия открылись 6 марта 1906 года в Александро-Невской Лавре. Главной темой Присутствия была подготовка предстоящего Собора. В ходе обсуждения его программы обнаружились серьезные разногласия по различным вопросам, в том числе по вопросу о составе Собора. Не было единодушия у членов Предсоборного Присутствия и по вопросу о восстановлении Патриаршества.

Для Государя и правительства особенно важным было то, какое направление примет на Предсоборном Присутствии обсуждение вопроса о взаимоотношениях между Церковью и государством. И вот, Предсоборное Присутствие предложило внести существенные коррективы в основные законы Российской империи, в те параграфы, где говорилось о роли Российского Самодержца в церковных делах. По существу, предполагался отход от системы государственной церковности в той форме, которая была заимствована Петром I из правовых теорий XVII века и возвращение к основным началам византийской симфонии.

15 декабря 1906 года состоялось последнее заседание Предсоборного Присутствия. Но когда материалы его были представлены Императору, он наложил резолюцию: «Нахожу созыв Собора неблагоприятным».

После этого работа по подготовке Поместного Собора возобновилась только в 1912 году, но была прервана начавшейся скоро Первой мировой войной, так что первый в послепетровскую эпоху

Поместный Собор Русской Православной Церкви был созван уже после отречения Императора Николая II. В своих деяниях Собор плодотворно использовал материалы Предсоборного Присутствия и Предсоборного совещания.

Жизнь Царской семьи в этот период протекала с внешней стороны почти без изменений. Очень малый круг лиц мог непосредственно общаться с Государем в неофициальной обстановке. Все знавшие его семейную жизнь не понаслышке отмечали удивительную простоту, взаимную любовь и согласие всех членов этой тесно сплоченной семьи. Центром ее был Алексей Николаевич, на нем сосредотачивались все привязанности, все надежды. По отношению к матери дети были полны очаровательной предупредительности. С общего согласия дочери устроили очередное дежурство при матери — когда Императрице нездоровилось, та из них, которая в этот день исполняла эту обязанность, безвыходно оставалась при ней. Отношения детей с Государем были трогательны. Он был для них одновременно Царем, отцом и товарищем — чувства, испытываемые к нему, видоизменялись в зависимости от обстоятельств, переходя от крайнего почтения до полной доверчивости и самой сердечной дружбы.

Единственным обстоятельством, омрачавшим жизнь Императорской семьи, была неизлечимая болезнь Наследника. Приступы гемофилии, во время которых ребенок испытывал тяжкие страдания, повторялись неоднократно. В сентябре 1912 года вследствие неосторожного движения произошло внутреннее кровотечение; положение было настолько серьезно, что опасались за жизнь Цесаревича. Во всех храмах России служились молебны о его выздоровлении. Характер болезни являлся государственной тайной, и родители часто должны были скрывать переживаемые ими чувства,

участвуя в обычном распорядке дворцовой жизни. Императрица хорошо понимала, что медицина была здесь бессильна. Но ведь для Бога нет ничего невозможного! Будучи глубоко религиозной, она всей душой предавалась усердной молитве в чаянии чудесного исцеления. Подчас, когда ребенок был здоров, ей казалось, что ее молитва услышана, но приступы снова повторялись, и это наполняло душу матери бесконечной скорбью. Она готова была поверить всякому, кто был способен помочь ее горю, хоть как-то облегчить страдания сына. Болезнь Цесаревича открывала двери во дворец тем людям, которых рекомендовали Царской семье как целителей и молитвенников. В их числе появляется во дворце и сибирский крестьянин Григорий Распутин, которому суждено было сыграть значительную, можно сказать, роковую роль в жизни Царской семьи, да и в судьбе всей страны.

Вот как пишет об этом воспитатель Цесаревича Пьер Жильяр: «[Императрица] ухватилась за надежду, которую ей давали, как утопающий хватается за руку, которую ему протягивают, и она уверовала в него со всей силой своей души. Давно она, впрочем, была убеждена, что спасение России и династии придет из народа, и она вообразила, что этот смиренный мужик был послан Богом... Сила веры сделала остальное и, благодаря самовнушению, которому способствовали случайные совпадения, Императрица пришла к убеждению, что судьба ее сына зависит от этого человека. Распутин понял состояние души этой отчаявшейся матери, сокрушенной в борьбе и дошедшей, как казалось, до пределов своего страдания. Он вполне усвоил, что мог извлечь из этого, и с дьявольским искусством он достиг того, что его жизнь, до некоторой степени, являлась связанной с жизнью Цесаревича».

Отношения самого Императора и Распутина были более сложными. «Он хороший, простой русский человек. В моменты сомнений и душевной тревоги я люблю с ним беседовать, и после такой беседы мне всегда на душе делается легко и спокойно», — говорил Государь в 1907 году председателю Государственной Думы М. В. Родзянко. Но все же Император испытывал беспокойство по поводу Распутина, его не могли не тревожить сообщения доверенных лиц о скандальном его поведении. Император несколько раз пытался избавиться от «старца», но всякий раз отступал под давлением Императрицы из-за необходимости помощи Распутина для излечения Наследника, ведь «если бы Алексей Николаевич умер, то Император в глазах матери, несомненно, являлся бы убийцей своего ребенка». Имя и роль Распутина очень быстро обросли легендой, которой умело пользовались оппозиционеры в целях компрометации монархии, дошло до того, что влияние Распутина обсуждалось в Думе. Государь был возмущен и оскорблен. «Я просто задыхаюсь в этой атмосфере сплетен, выдумок и злобы», — говорил он графу В. Н. Коковцову. В 1913 году вся Россия торжественно праздновала 300-летие Дома Романовых. После февральских торжеств в Петербурге и Москве,

весной Царская семья совершила поездку по древним среднерусским городам, связанным с событиями начала XVII века. На Государя произвели большое впечатление обычные проявления народной преданности. Казалось, что Россия находится на вершине славы и могущества, а все внутренние проблемы в недалеком будущем благополучно разрешатся. К сожалению, этому не суждено было осуществиться, назревала Первая мировая война.

После убийства в Сараеве Наследника Австрийского престола Франца Фердинанда и австрийского ультиматума Сербии Государь не мог остаться равнодушным — ведь Россия традиционно считалась покровительницей всех славянских государств. Здесь на стороне Государя было даже общественное мнение, сочувствовавшее братьям-славянам. Регент — королевич Сербии Александр обращается к русскому Царю с просьбой о помощи, надеясь, что «этот призыв найдет отклик в его благородном славянском сердце». «Пока есть малейшая надежда избежать кровопролития, — телеграфировал Государь, — все наши усилия должны быть направлены к этой цели. Если вопреки нашим искренним желанием мы в этом не успеем, Ваше Высочество может быть уверено в том, что ни в коем случае Россия не останется равнодушной к участи Сербии». В день получения телеграммы, 15 июля, Австрия объявила войну Сербии, а 19 июля 1914 года Германия объявила войну России.

Начало войны ознаменовалось мощным патриотическим подъемом. Когда Государь с балкона Зимнего дворца объявил о начале войны, толпа, собравшаяся на площади, опустилась на колени и запела государственный гимн. Восторг народа придает сил Государю; ужасная пытка неизвестностью, которую он пережил в дни, предшествовавшие объявлению войны, сменяется бодрым одушевлением — ведь весь народ поддержал войну за правое дело. Государь дает торжественный обет не заключать мира, пока хоть один неприятель останется на русской земле.

Война вскоре становится общеевропейской. В августе 1914 года необходимость помочь своей союзнице Франции заставило Россию начать слишком поспешное наступление в Восточной Пруссии, что привело к тяжелому поражению. К осени стало ясно, что близкого конца войны не предвидится. С начала войны на волне патриотизма затихли внутренние разногласия. Самые трудные вопросы становятся разрешимыми — удалось осуществить давно задуманное Государем запрещение продажи спиртных напитков на все время войны. Его убеждение в полезности этой меры было сильнее всех экономических соображений. Государь регулярно выезжает в Ставку, посещает различные секторы своей огромной армии, перевязочные пункты, военные госпитали, тыловые заводы, — одним словом, все, что играло роль в ведении этой грандиозной войны.

Императрица с самого начала посвятила себя раненым. Пройдя курсы сестер милосердия, вместе со старшими дочерьми — Великими Княжнами Ольгой и Татьяной — она по несколько часов в день

ухаживала за ранеными в своем царскосельском лазарете. В новый 1915 год, на шестом месяце войны, страна вступила, как казалось, без малейшего утомления. Русское командование готовило новое наступление, которое должно было состояться весной. В начале русским войскам сопутствовал успех. В марте — апреле была очищена от австрийцев почти вся Галиция, но новое наступление австро-германцев привело к потере всего достигнутого — фронт стремительно откатился на восток — сказалось огромное превосходство сил противника, его технической оснащённости. Русская армия ощущает хронический недостаток снарядов, растёт деморализация, ползут слухи об измене.

С начала войны Государь, возложив командование армиями на Великого Князя Николая Николаевича, сознательно воздерживался от непосредственного вмешательства в ход военных действий, хотя некоторые, в том числе и Императрица, считали, что огромная популярность Великого Князя не на пользу стране и династии. Когда фронт был прорван, Государь приезжает в Ставку и остается там больше недели. «Я не мог уехать, чтобы это не было понято так, что я

оставляю армию в серьезные моменты», — писал он Государыне. У него созревает убеждение в необходимости самому стать во главе своих войск. «Хорошо помню, — пишет он в другом письме, — что, когда стоял напротив большого образа Спасителя наверху в большой церкви (в Царском Селе), какой-то внутренний голос, казалось, убеждал меня придти к определенному решению». Это решение одобрялось далеко не всеми, ведь постоянное пребывание Царя в Ставке, вдали от столицы, создавало серьезные трудности в управлении страной, а в случае поражений общество будет винить самого Государя, чем будет поколеблен авторитет государственной власти. Эти возражения Император категорически отвергал, его решение было окончательным. 22 августа 1915 года он выезжает в Могилев, чтобы принять на себя командование всеми вооруженными силами России. Император с самого начала рассматривал пребывание на посту Верховного Главнокомандующего как исполнение своего нравственно-государственного долга перед Богом и народом, впрочем, всегда представляя ведущим военным специалистам широкую инициативу в решении всей совокупности военно-стратегических и оперативно-тактических вопросов.

Отныне Император постоянно находился в Ставке, по большей части вместе с ним был и Наследник. Примерно раз в месяц он на несколько дней приезжал в Царское Село. Им принимались все ответственные решения, но в то же время он поручил Императрице поддерживать сношения с министрами и держать его в курсе происходящего в столице. Государыня была самым близким ему человеком, на которого всегда можно положиться. Сама Государыня занялась политикой не из личного честолюбия и жажды власти, как об этом писали. Единственным ее желанием было быть полезной Государю в его тяжелой задаче и помогать ему своими советами. Ежедневно она отправляла в Ставку подробные письма-донесения, что хорошо было известно министрам.

В связи с майскими поражениями 1915 года вновь возросло влияние Распутина, фактически удаленного из дворца с начала войны. В дни катастрофы Императрица особенно остро ощущала необходимость нравственной поддержки того человека, который, по ее мнению, был не только спасителем ее сына, но и представителем народа, посланным от Бога, чтобы спасти Россию и Царя. Свое понимание роли Распутина Александра Феодоровна излагала в письмах мужу. Так, в июне 1915 года она писала: «Слушайся нашего друга: верь ему; старцу дороги интересы России и твои. Бог недаром его послал, только мы должны обращать больше внимания на его слова — они не говорятся на ветер. Как важно для нас иметь не только его молитвы, но и советы». В другом письме она писала, что «та страна, Государь которой направляется Божьим Человеком, не может погибнуть». Постепенно из «старца-утешителя» Распутин превращается во влиятельную политическую фигуру. Будучи умным и сообразительным, он, несомненно, понял, что уклоняться от роли советчика Государыни он не может, иначе потеряет ее расположение. Именно в этом драматическом смещении ролей Распутина была трагедия последнего царствования. Императрица предназначила «престецу и молитвеннику» роль, которую он ни при каких обстоятельствах не имел права играть, да и не мог удачно ее исполнить. К концу 1915 года военное положение России значительно улучшилось. Армия, благодаря громадным резервам, имевшимся в стране, легко возместила тяжелые потери. Весной следующего года русские войска под командованием генерала А. А. Брусилова прорвали в нескольких местах неприятельский фронт и быстро начали продвигаться вперед. Однако к осени тяготы войны уже ощущались всей Россией, рост дороговизны, перебои с продовольственным снабжением, разруха на железных дорогах, недостаток рабочих рук в сельском хозяйстве вызывали серьезное недовольство. Этим пытались воспользоваться германские агенты, ведшие внутри России свою пропаганду с целью вызвать внутренние волнения и вынудить Россию к заключению сепаратного мира. В этом их союзниками были революционные силы, призывающие к прекращению «империалистической войны». Нарушается и проявившееся в начале войны единомыслие Государя и Думы. Тогда казалось, что все — Царь, министры и народные представители имели одну лишь мысль — победить во что бы то ни стало. Однако существовавшая рознь не исчезла. Государю нужна была прежде всего победа, до этого момента все разговоры о реформах он считал неуместными. Думская оппозиция требовала либеральных уступок. Не получая желаемого, она повела открытую кампанию против правительства, острие которой было направлено против Императрицы. Ее обвиняли в германофильстве, все изменения в правительстве прямо приписывались влиянию Распутина. Политическая атмосфера становилась все более тяжелой, чувствовалось приближение грозы. Удаления Распутина требовали многие министры, представители Церкви, но Государыня оставалась

непоколебимой, считая все это клеветой тех, кто хочет погубить «старца».

В ночь на 17 декабря 1916 года Распутин был убит заговорщиками, думавшими таким образом спасти авторитет династии и покарать человека, злоупотребившего доверием Царской семьи. Но этот акт насилия не мог принести умиротворения. Разногласия между Царем и Думой углублялись, и в кругах оппозиции зрела мысль, что единственным выходом из создавшегося положения могло бы быть отстранение Государя от власти.

Январь и февраль 1917 года Государь провел в Царском Селе. Он чувствовал, что политическое положение становится все более и более напряженным, но продолжал надеяться на то, что чувство патриотизма все же возьмет верх, сохранял веру в армию, положение которой значительно улучшилось. Это вселяло надежды на успех большого весеннего наступления, которое нанесет решительный удар Германии. 22 февраля Государь выехал в Ставку — этот момент послужил сигналом для врагов порядка. На следующий день в Петрограде начались волнения, вызванные перебоями с подвозом хлеба, они скоро переросли в забастовку под политическими лозунгами: «Долой войну!», «Долой самодержавие!». Попытки разогнать манифестантов не увенчались успехом. В Думе тем временем шли дебаты с резкой критикой правительства.

25 февраля Государь в Ставке получил сообщение о беспорядках в столице. Он сразу же понял необходимость самых энергичных мер, но на следующий день в столице отказали в повиновении и вышли на улицу военные части; к вечеру значительная часть города оказалась в их руках, в том числе и район Таврического дворца, где собралась часть думских депутатов, образовавших Временный комитет. Дума как таковая перестала существовать, но ее именем с успехом пользовались революционные силы. Ими был создан самочинный Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов. К вечеру 27 февраля верные Государю войска сосредоточились в центре города, но затем, во избежание кровопролития, были распущены по казармам. Когда начавшиеся в Петрограде волнения перекинулись и на Царское Село, часть войск взбунтовалась и громадная толпа бунтовщиков — более десяти тысяч человек двинулась к Александровскому дворцу. Императрица в тот день, 28 февраля, почти не выходила из комнаты больных детей. Ей докладывали, что будут приняты все меры для безопасности дворца. Но толпа была уже совсем близко — всего в пятистах шагах от ограды дворца был убит часовой. В этот момент Александра Феодоровна проявляет решимость и незаурядное мужество — вместе с Великой Княжной Марией Николаевной она обходит ряды верных ей солдат, занявших оборону вокруг дворца и уже готовых к бою. Она убеждает их договориться с восставшими и не проливать крови. К счастью, в этот момент благоразумие возобладало. Узнав о положении дел, Государь послал войска в Петроград для подавления мятежников, а затем сам отправился в Царское Село. Его решение было, очевидно, вызвано желанием быть в центре событий для принятия в случае необходимости быстрых решений, а также тревогой за семью. Этот отъезд из Ставки оказался роковым. День 28 февраля Государь провел в дороге. За сто пятьдесят верст от Петрограда царский поезд был остановлен — следующая станция Любань была в руках мятежников. Пришлось следовать через станцию Дно, но и тут путь оказался закрыт. Вечером 1 марта Государь прибыл в Псков, в Ставку командующего Северным фронтом генерала Н. В. Рузского. В столице наступило полное безвластие. Но Государь и командование армией считали, что Дума контролирует положение; Государь в переговорах по телефону с М. В. Родзянко соглашался на все уступки, если Дума сможет восстановить порядок в стране. Ответ был: уже поздно. Было ли это так на самом деле? Ведь революцией был охвачен только Петроград и окрестности, а авторитет Царя в народе и в армии был еще велик. Ответ Думы ставил перед Царем выбор: отречение или попытка идти на Петроград с верными ему войсками. Последнее означало гражданскую войну, в то время как внешний враг находился в российских пределах.

Все окружающие Государя также убеждали его в том, что отречение — единственный выход. Особенно на этом настаивали командующие фронтами, требования которых поддержал начальник Генерального штаба М. В. Алексеев. И после долгих и мучительных

размышлений Император решается отречься и за себя и за Наследника, ввиду его неизлечимой болезни, в пользу брата, Великого Князя Михаила Александровича.

«В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, — гласил Манифест, подписанный Государем 2 марта, — Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли Мы долгом совести облегчить народу Нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы, и, в согласии с Государственной Думою, признали Мы за благо отречься от престола Государства Российского и сложить с Себя Верховную власть. Не желая расстаться с любимым Сыном Нашим, Мы передаем наследие Наше Брату Нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем Его на вступление на престол Государства Российского. Заповедуем Брату Нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой Родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед Ним, повиновением Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь Ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России». Удивительно проникновенно звучат слова Манифеста о «долге совести». Государь покидал верховную власть и главнокомандование как Царь, как воин, как солдат, до последней минуты не забывая о своем высоком долге. Его Манифест — это акт высочайшего благородства и достоинства: «Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и спасения родимой матушки-России». Государь, приняв, как ему казалось, единственно правильное решение, тем не менее, переживал тяжелое душевное мучение. «Если я помеха счастью России и меня все стоящие ныне во главе ее общественные силы просят оставить трон и передать его сыну и брату своему, то я готов это сделать, готов даже не только царство, но и жизнь свою отдать за Родину. Я думаю, в этом никто не сомневается из тех, кто меня знает», — говорил Государь генералу Д. Н. Дубенскому.

В самый день отречения, 2 марта, тот же генерал Дубенский записал слова министра Императорского двора графа В. Б. Фредерикса: «Государю глубоко грустно, что его считают помехой счастью России, что его нашли нужным просить оставить трон. Его волновала мысль о

семье, которая оставалась в Царском Селе одна, дети больны. Государь страшно страдает, но ведь он такой человек, который никогда не покажет на людях свое горе». Сдержан Николай Александрович и в личном дневнике. Только в самом конце своей записи на этот день прорывается внутренняя обида и глубокое огорчение: «Нужно мое отречение. Суть в том, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из Ставки прислали проект Манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил и передал им подписанный и переделанный Манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена, и трусость, и обман!». Прежде чем отречься в пользу своего брата Великого Князя Михаила Александровича, Император назначил Великого Князя Николая Николаевича на пост Верховного Главнокомандующего, подписал назначение князя Г. Е. Львова на пост Председателя Совета министров. После отречения Государь снова возвращается в Могилев, живет по-прежнему в губернаторском доме, принимая ежедневно генерала М. В. Алексева. Из Киева к Нему приезжает вдовствующая Императрица Мария Феодоровна — это было их последнее свидание. Третьего марта Великий Князь Михаил Александрович также отказывается от престола в пользу Временного правительства. Седьмого марта Временное правительство объявило об аресте Императора Николая II и Его Августейшей супруги и содержании их в Царском Селе. Это действие Временного правительства невозможно ничем оправдать: арест Императора и Императрицы не имел никакого законного основания или повода.

Восьмого марта комиссары Временного правительства, прибыв в Могилев, объявляют через генерала Алексева об аресте Государя и необходимости проследовать в Царское Село. В последний раз он обращается к своим войскам, призывая их к верности Временному правительству, тому самому, которое подвергло его аресту, к исполнению своего долга перед родиной до полной победы: «В последний раз обращаюсь к Вам, горячо любимые Мною войска. После отречения Мною за Себя и за Сына Моего от престола Российского, власть передана Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия. Да поможет Бог и вам, доблестные войска, отстоять нашу Родину от злого врага. В продолжение двух с половиной лет вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сделано усилий и уже близок час, когда Россия, связанная со своими доблестными союзниками одним общим стремлением к победе, сломит последнее усилие противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы. Кто думает теперь о мире, кто желает его — тот изменник Отечества, его предатель. Знаю, что каждый честный воин так мыслит. Исполняйте же ваш долг, защищайте доблестно нашу Великую Родину, повинуйтесь Временному правительству, слушайте ваших

начальников, помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу.

Твердо верю, что не утасла в ваших сердцах беспредельная любовь к нашей Великой Родине. Да благословит вас Господь Бог и да ведет вас к победе святой великомученик и Победоносец Георгий». Этот прощальный приказ войскам, в котором Государь выразил благородство своей души, любовь к армии, веру в нее, был скрыт от народа Временным правительством, запретившим его публикацию. Новые правители боялись, что армия услышит благородную речь своего Императора и Верховного Главнокомандующего. Рожденный в день памяти святого праведного Иова Многострадального, Государь, жизнь которого была так тяжела и правление так несчастливо, сам обращал внимание на день своего рождения. Он уподоблял свою жизнь испытаниям страдальца Иова: приняв свой крест, так же, как библейский праведник, перенес все ниспосланные ему несчастья, — твердо, кротко и без тени ропота. Именно это долготерпение с особенной ясностью открывается в истории последних дней Императора.

Тем временем Государыня проводила эти дни в страшной тревоге за судьбу своего Августейшего супруга — до нее доходили лишь слухи об отречении. Только 3 марта она получила от него краткую записку. Переживания Императрицы в эти дни ярко описаны очевидцем, протоиереем Афанасием Беляевым, служившим во дворце молебен: «Императрица, одетая сестрою милосердия, стояла подле кровати Наследника. Перед иконою зажгли несколько тоненьких восковых свечей. Начался молебен... О, какое страшное, неожиданное горе постигло Царскую семью! Получилось известие, что Государь, возвращавшийся из Ставки к родной семье, арестован и даже, возможно, отрекся от престола... Можно себе представить, в каком положении оказалась беспомощная Царица, мать с пятью своими тяжело заболевшими детьми? Подавив в себе немощь женскую и все телесные недуги свои, геройски, самоотверженно посвятив себя уходу за больными, [с] полным упованием на помощь Царицы Небесной, она решила прежде всего помолиться пред чудотворною иконою „Знамение“ Божией Матери. Горячо, на коленях, со слезами просила земная Царица помощи и заступления у Царицы Небесной. Приложившись к иконе и подойдя под нее, она попросила принести икону и к кроватям больных, чтобы и все больные дети сразу могли приложиться к чудотворному образу. Когда мы выносили икону из дворца, дворец уже был оцеплен войсками, и все находящиеся в нем оказались арестованными».

9 марта, уже будучи арестованным накануне (тогда же была арестована и Александра Феодоровна), Император возвратился в Царское Село, где его с нетерпением ждала вся семья. «Возвращение Императора было, несмотря на грустные события, днем большой семейной радости, — пишет Пьер Жильяр. — Императрица, Мария Николаевна и остальные дети, узнав подробности происшедшего,

были вне себя от беспокойства за его участь, и чувство страха, которое они испытывали, не прекращалось до его приезда. Поэтому они почувствовали большое облегчение, оказавшись снова вместе после столь тяжелых испытаний. Им казалось, что их бесконечная любовь друг к другу поможет им перенести все страдания. Несмотря на редкое умение владеть собой, Государь не мог скрыть пережитого потрясения. Но он быстро обрел душевное равновесие в кругу семьи. Семье он отдавал большую часть дня, а остальное время читал или гулял с князем Долгоруковым. Ему было воспрещено заходить в парк, но оставили для прогулок небольшой сад у дворца, теперь уже окруженный цепью часовых. Император относился ко всем строгостям с полным спокойствием и покорностью. Никогда ни одно слово упрека не сошло с его уст. Одно чувство им владело, и оно было могущественнее, чем привязанность к семье: это любовь к своему Отечеству. Он был готов все простить тем, кто причинял ему унижения, если они сумеют спасти Россию».

Поначалу казалось, что Царскосельское заточение не должно было долго длиться, — в это время Временное правительство вело переговоры с Британским правительством о возможности выезда Императорской семьи в Англию. 10 марта Император записывает в дневнике: «Разбирался в своих вещах и в книгах и начал откладывать все то, что хочу взять с собой, если придется уезжать в Англию». Но крайние революционные силы имели такую власть, что Временное правительство, боясь последствий, не решалось на это, хотя финляндская граница и была лишь в нескольких часах езды от Царского Села. Начался почти пятимесячный период неопределенного пребывания в Царском Селе. Дни проходили размеренно — в регулярных богослужениях, совместных трапезах, прогулках, чтении и общении с близкими людьми. Жизнь узников подвергается мелочным стеснениям: Государю было объявлено А. Ф. Керенским, что он должен жить отдельно и видаться с Государыней только за столом, причем разговаривать только по-русски. Караульные солдаты в грубой

форме делают ему замечания, доступ во дворец близких Царской семье лиц воспрещается. Однажды солдаты отняли у Наследника игрушечное ружье под предлогом запрета носить оружие. О духовной жизни Царскосельских узников свидетельствует отец Афанасий Беляев, регулярно совершавший в этот период богослужения в Александровском дворце.

Вот как проходила во дворце служба утрени Великой Пятницы 30 марта 1917 года. «Служба шла благоговейно и умирительно... Их Величества всю службу слушали стоя. Перед ними были поставлены складные аналои, на которых лежали Евангелия, так что по ним можно было следить за чтением. Все простояли до конца службы и ушли через общее зало в свои комнаты. Надо самому видеть и так близко находиться, чтобы понять и убедиться, как бывшая Царственная семья усердно, по-православному, часто на коленях, молится Богу. С какою покорностью, кротостью, смирением, всецело предав себя в волю Божию, стоят за богослужением».

На следующий день вся семья исповедовалась. Вот как выглядели комнаты царских детей: «Какие удивительно по-христиански убранные комнаты. У каждой Княжны в углу комнаты устроен настоящий иконостас, наполненный множеством икон разных размеров с изображением чтимых особенно святых угодников. Перед иконостасом — складной налой, покрытый пеленой в виде полотенца, на нем положены молитвенники и богослужебные книги, а также святое Евангелие и крест. Убранство комнат и вся их обстановка представляют собой невинное, не знающее житейской грязи, чистое, непорочное детство, для выслушивания молитв перед исповедью все четверо детей были в одной комнате...»

«Впечатление [от исповеди] — пишет отец Афанасий, — получилось такое: дай, Господи, чтобы и все дети нравственно были так высоки, как дети бывшего Царя. Такое незлобие, смирение, покорность родительской воле, преданность безусловная воле Божией, чистота в помышлениях и полное незнание земной грязи, страстной и греховной, меня привело в изумление, и я решительно недоумевал: нужно ли напоминать мне, как духовнику, о грехах, может быть, им неведомых, и как расположить к раскаянию в известных мне грехах». Исповедь Их Величеств происходила в особой комнате — молельне. Она была «очень маленькая и сверху до низу увешана и уставлена иконами, перед которыми горят лампы. В углу, в углублении стоит особенный иконостас с точеными колоннами и местами для известных икон, перед ними поставлен складной нагой, на котором положено старинное напрестольное Евангелие и крест и много богослужебных книг... О, как несказанно счастлив я, что удостоился милости Божией стать посредником между Царем Небесным и земным. Ведь рядом со мной стоял тот, выше которого из всех живущих на земле нет. Это до сего времени был наш Богом данный Помазанник, по закону престолонаследия двадцать три года царствовавший русский Православный Царь. И вот ныне, смиренный раб Божий Николай, как кроткий агнец, доброжелательный ко всем врагам своим, не помнящий обид, молящийся усердно о благоденствии России, верующий глубоко в ее славное будущее, коленопреклоненно, взирая на крест и Евангелие, в присутствии моего недостойнства, высказывает Небесному Отцу сокровенные тайны своей многострадальной жизни и, повергаясь в прах перед величием Царя Небесного, слезно просит прощения в вольных и невольных своих прегрешениях». По окончании исповеди, кроме нескольких слов в успокоение и утешение, отец Афанасий сказал: «Ах, Ваше Величество, какое благо для России вы бы сделали, давши в свое время полную Конституцию и тем бы исполнили желание народа. Ведь вас, как Ангела добра, любви и мира приветствовали бы все». На это с удивлением ответил он: «Неужели это правда! Да, мне изменили все. Мне объявили, что в Петрограде анархия и бунт, и я решил ехать не в Петроград, а в Царское Село и с Николаевской дороги свернуть на Псков, но дорога туда уже была прерванной... И вот один, без близкого советника, лишенный свободы, как подлинный преступник, я подписал Акт отречения от престола за себя и за Наследника-сына. Я решил, что если нужно будет для блага Родины, я готов на все. Семью мою жаль!» И капнула горячая слеза из глаз... страдальца».

Члены Царской семьи в эти трудные дни после отречения Государя от престола сохраняли бодрость духа и даже утешали окружающих. Вот, например, с какими словами утешения обращается Императрица в письме к корнету С. В. Маркову: «Вы не один, не бойтесь жить. Господь услышит наши молитвы и Вам поможет, утешит и подкрепит. Не теряйте Вашу веру, чистую, детскую, останьтесь таким же маленьким, когда и Вы большим будете. Тяжело и

трудно жить, но впереди есть Свет и радость, тишина и награда за все страдания и мучения. Идите прямо Вашей дорогой, не смотрите направо и налево и, если камня не увидите и упадете, не страшитесь и не падайте духом. Поднимитесь и снова идите вперед. Больно бывает, тяжело на душе, но горе нас очищает. Помните жизнь и страдания Спасителя, и Ваша жизнь покажется Вам не так черна, как думали. Цель одна у нас, туда мы все стремимся, да поможем мы друг другу дорогу найти. Христос с Вами, не страшитесь».

Наступила Великая Суббота. Не успел отец Афанасий начать проскомидию, «как ровно в 9 часов пришли и встали на свои места Государь с супругою и две дочери — Татьяна и Анастасия... Настало время подходить к Святой Чаше для причастников. Первым подошел Государь; давая ему Святые Дары, громко и внятно сказал я: „Честного и Святого Тела и Крове Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа причащается раб Божий благоверный Николай Александрович во оставление грехов и в жизнь вечную“. То же было сказано и Александре Феодоровне. После литургии, не разоблачаясь, пошел со Святой Чашею приобщать Ольгу, Марию и Алексея, которые уже были подготовлены и ждали в своей комнате наверху... Пасхальная утренняя, можно сказать, промелькнула... Подходили ко кресту и христосовались: Государь три раза поцеловал говоривших ему „Христос Воскресе!“ Затем началась литургия, от которой никто не ушел...

В день Святой Пасхи Государь стоя принимал поздравления и со всеми христосовался, у меня поцеловал руку, я же поцеловал его руку. Государыня стояла отдельно и каждому подходящему к ней давала фарфоровое яйцо».

В семь часов, по просьбе Их Величеств, в детской комнате была отслужена пасхальная вечерня. И на этот раз отец Афанасий отмечает особое убранство комнаты: «В половине седьмого часа из церкви в полных облачениях с певчими пришли в комнату бывшего Наследника Алексея Николаевича. Комната Наследника довольно большая, множество разнообразных игр и игрушек, и столов и столиков с разными детскими развлечениями: и балалайки, и бубны, барабаны, трубы, домики и прочее. Но главное, как и во всех детских комнатах, особо возвышенное место для молитвы, где стоит иконостас с иконами, пред ним аналой со священными и богослужебными книгами. Тут-то и расположились служить вечерню».

Любимым чтением Государя была художественная и особенно историческая литература. Так 4 апреля он начал читать «Историю Византийской империи» академика Ф. Успенского («очень интересная книга», — запишет он в своем дневнике); обращается он и к чтению «Всеобщей истории» Иегера. В круг его чтения входят имена А. Дюма, А. Доде, А. Конан Дойля, И. Тургенева, Л. Толстого, Н. Лескова, А. Чехова, Д. Мережковского и других. Обращался Государь и к чтению Библии. Так, позже — 11 марта 1918 года он отметит в дневнике: «На первой неделе начал читать Библию сначала».

В дворцовой церкви или в бывших царских покоях отец Афанасий регулярно совершал всенощную и Божественную литургию, за которыми всегда присутствовали все члены Императорской фамилии. 23 апреля праздновался день тезоименитства Александры Феодоровны. В конце службы на приветствие священника Императрица «высказала благодарность, усиливаясь улыбнуться, но улыбка была страдальческая, болезненная. Все бывшие в храме, целуя крест, делали молчаливый поклон в ту сторону, где отдельно от всех, около ширмы, стояла Царская семья. Вот и все отличие от обыденно проводимых в строгом заключении будничных дней. Грустно и тяжело до слез. ...29 апреля, суббота. Обычная всенощная и те же молящиеся, кроме бывшего Наследника. Та же грусть и то же одиночество; отрада и успокоение в молитве...».

О тяжелых душевных переживаниях членов Царской семьи свидетельствует следующий эпизод. Когда отец Афанасий служил литургию, он говорил проповедь на слова Евангелия: «Бог есть Дух, и иже кланяется Ему, духом и истиною достоин кланяться». При упоминании о душевных страданиях, ставящих человека, оставленного всеми, в невыразимо гнетущее состояние, когда единственное утешение он находит в молитве, «...раздался невольный, неудержимо вырвавшийся из чьей-то наболевшей груди вздох, настолько сильный и громкий, что привел в удивление всех слушателей. И этот отклик душевной муки раздался с того места, где стояла одна только Царская семья».

Отец Афанасий постоянно пишет о горячей молитве Царской семьи, о регулярном посещении ими богослужений. 20 мая, на Троицу, «за богослужением были все семь человек и, насколько было возможно заметить, более спокойные. Княжны даже переглянулись между собой и с улыбкой детства смотрели на подходящих к целованию иконы караульных офицера и солдата, не делающих поклон в сторону, где стоит вся семья бывшего Царя, что делают обыкновенно все другие лица после целования иконы и благословения священника». После Троицы в дневнике отца Афанасия все чаще и чаще появляются тревожные сообщения — он отмечает растущее раздражение караульных, доходящих порой до грубости по отношению к Царской семье. Не остается без его внимания и душевное состояние членов Царской семьи — да, все они страдали, отмечает он, но вместе со страданиями возрастали их терпение и молитва. Так 23 мая он записывает в своем дневнике: «Мне показалось, что Государь, имеющий бледный и страдальческий вид, очень болен. Что-то волнует его и он молча, терпеливо переносит свои страдания. Молится усердно и часто на коленях».

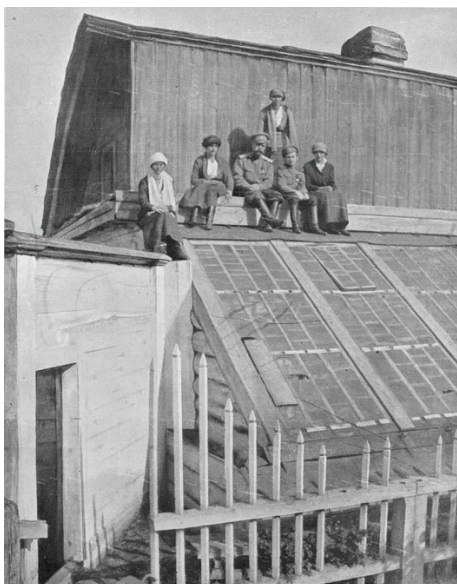
В этот же день Императрица находит в себе силы написать утешительное письмо генерал-майору А. В. Сыроболярскому: «Все можно перенести, если Его (Бога) близость и любовь чувствуешь и во всем Ему крепко веришь. Полезны тяжелые испытания, они готовят нас для другой жизни, в далекий путь. Собственные страдания легче нести,

чем видеть горе других, не будучи в возможности им помочь. Очень много Евангелие и Библию читаю, так как надо готовиться к урокам с детьми, и это большое утешение с ними потом читать все то, что именно составляет нашу духовную пищу. И каждый раз находишь новое и лучше понимаешь. У меня много таких хороших книг, всегда выписываю их. Там никакой фальши. Вы когда-нибудь читали письма Иоанна Златоуста к диакониссе Олимпиаде? Я их теперь опять начала читать. Такая глубина в них, наверно, Вам понравилось бы. Мои хорошие книги мне очень помогают. Нахожу в них ответы на многое. Они силы дают, утешение для уроков с детьми... Они здоровы все, слава Богу. Надо Бога вечно благодарить за все, что дал, а если и отнял, то, может быть, если без ропота все переносить, будет еще светлее. Всегда надо надеяться. Господь так велик, и надо молиться, неутомимо Его просить спасти дорогую Родину. Стала она быстро, страшно рушиться в такое малое время. Но тогда, когда все кажется так плохо, что хуже не может быть, Он милость Свою покажет и спасет все. Как и что, это только одному Ему известно... Хотя тьма и мрак теперь, но солнце ярко светит в природе и дает надежду на что-то лучшее. Вы видите, мы веру не потеряли, и надеюсь никогда не потерять, она одна силы дает, крепость духа, чтобы все перенести. И за все надо благодарить, что могло бы [быть] гораздо хуже... Не правда ли? Пока живы мы с нашими вместе — маленькая крепко связанная семья. А они что хотели?.. Вот видите, как Господь велик. Мы и в саду бываем (то есть на свободе). А вспомните тех других, о, Боже, как за них мы страдаем, что они переживают невинные... Венец им будет от Господа. Перед ними хочется на коленях стоять, что за нас страдают, а мы помочь не можем даже словом. Это тяжелее всего. Больно за них, но и для них, я верю крепко, будет еще хорошее (мзда многа на небесах) и здесь еще». Даже тяжело больной Наследник находит в себе силы прислуживать за литургией: «2 июля в воскресенье бывший Наследник Алексей Николаевич пришел к Херувимской песне тихо и незаметно, отдельным ходом прямо в алтарь и стал прислуживать в алтаре: брал от псаломщика кадило, относил его на место и вновь подавал для передачи протодиакону. Это первый раз юный любимец своих родителей обнаружил склонность принять деятельное личное участие в церковном богослужении».

В жизни Царственных узников тем временем приближались серьезные изменения. Как известно, Временное правительство назначило Комиссию по расследованию деятельности Императора, но, несмотря на все старания обнаружить что-нибудь такое, что могло бы опорочить Царя, ничего не нашли; Царь был невиновен. Когда невиновность его была доказана, и стало очевидно, что за ним нет никакого преступления, Временное правительство вместо того, чтобы освободить Государя и его Августейшую супругу, приняло решение удалить узников из Царского Села. В ночь на 1 августа они были отправлены в Тобольск — сделано это было якобы ввиду возможных беспорядков, первой жертвой которых могла сделаться Царская семья.

На деле же тем самым семья обрекалась на крест, ибо в это время дни самого Временного правительства были сочтены.

30 июля, за день до отъезда Царской семьи в Тобольск началась последняя Божественная литургия в бывших царских покоях и последний раз бывшие хозяева своего родного дома собрались горячо помолиться, прося со слезами, коленопреклоненно, у Господа помощи и заступления от всех бед и напастей. За литургией присутствовала вся Царская семья и вся их уже очень малочисленная прислуга. Давая целовать крест, отец Афанасий сказал последнее слово на прочитанное Евангелие, где, между прочим, указал, что выше нет любви, как любовь родителей к своим детям... Бывшая Царица плакала, а бывший Царь, видимо, волновался. Целуя крест, Николай Александрович сказал: «Благодарю вас», все остальные подходили и целовали крест молча. После литургии был отслужен молебен перед иконой Божией Матери «Знамение». Царская семья, преклонив колена, усердно молилась. На следующий день состоялось отбытие в Тобольск. Последняя ночь перед отъездом прошла очень грустно и тяжело. Было сделано распоряжение собраться в дорогу к часу ночи, но всем утомительно пришлось ждать одетыми по-дорожному до шести часов утра. Только за три дня до отъезда стало известно, что Временное правительство решило переселить бывшего Царя из Царского Села. Но куда? Неизвестно. Просились на юг, в Крым, и радовались, особенно дети, получить свободу, избавившись от строгого затвора. Но когда было сказано, чтобы запасались теплыми одеждами, к ужасу, стали догадываться, что поедут на север, а когда стало известно о дорожном запасе провизии на пять суток, то к еще большему ужасу, стали предполагать о месте ссылки в Тобольск. Со слезами выехали из родного дома. Последние слова бывшего Государя были: «Мне не жаль себя, а жаль тех людей, которые из-за меня пострадали и пострадают. Жаль Родину и народ!». С семьей в Тобольск отправились тридцать девять человек — близкие к семье люди, добровольно последовавшие в ссылку, и слуги, последних было большинство.

Путешествие совершилось без особых приключений, и 6 августа Царская семья прибыла в Тобольск. Первые недели пребывания в Тобольске Царственных узников были едва ли не самыми спокойными за весь период их заточения. Царская семья была вверена бывшему коменданту Царскосельского дворца, а затем и Тобольского губернаторского дома полковнику Е. С. Кобылинскому, человеку независимому и преданному Августейшей фамилии. «Для жизни Царской семьи, — пишет об условиях Тобольского плена Кобылинский, — лиц свиты и прислуги было отведено два дома: дом, в котором жил губернатор, и дом Корнилова, находящийся вблизи губернаторского. Из обстановки из Царского не было взято ничего. Дом обслуживался губернаторской обстановкой, но часть разных вещей пришлось приобрести и заказать уже в Тобольске. Взяты были из Царского для Царской семьи лишь их походные кровати... Тихо и мирно потекла жизнь в Тобольске. Режим был такой же, как и в Царском, пожалуй, даже свободнее... Все лица свиты и вся прислуга свободно выходили из дома, когда и куда хотели. Никакого стеснения никому в этом отношении не было. Августейшая семья, конечно, в этом праве передвижения была, как и в Царском, ограничена. Она выходила лишь в церковь. Богослужения отправлялись так. Всенощная всегда служилась на дому, причем причт был от Благовещенской церкви. Служил священник отец Васильев. К обедне семья ходила только к ранней. Для того, чтобы пройти в церковь, нужно было пройти садом и через улицу. Вдоль пути следования всегда становился караул. Караул был и около самой церкви, причем в церковь посторонние не допускались».

А вот как выглядели в Тобольске прогулки Царской семьи. Эту картину описывает в своих воспоминаниях Т. Е. Мельник-Боткина, дочь доктора Е. С. Боткина: «Из окон моей комнаты был виден весь дом, где помещались Их Величества, и площадка, отведенная для прогулок. В это утро, несмотря на дождь, Его Величество и Их Высочества вышли гулять в 11 часов, и я впервые увидела Их здесь после Царского Села. Его Величество, в солдатской шинели и защитной фуражке, своей обычной быстрой походкой ходил взад и вперед от забора до забора. Великие Княжны Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна в серых макинтошах и пуховых шапочках — синей и красной — быстро шагали рядом с отцом, а Анастасия и Мария Николаевны, сидя на внутреннем заборе, отгораживавшем город и кладовые, разговаривали с караульными солдатами». И действительно, ничто, казалось, не омрачало жизни Царственных узников. Но по мере изменения политической ситуации в стране и постепенной утраты власти Временным правительством ухудшалось и их положение. 1 сентября в Тобольск в качестве нового комиссара Временного правительства прибыл В. С. Панкратов. Кобылинский, перешедший теперь в его подчинение, отзывался о нем довольно высоко: «Панкратов был человек умный, развитой, замечательно мягкий». Но сопровождавший его помощник, А. В. Никольский, был грубым и лишенным воспитания человеком.

Об этом периоде жизни Императорской семьи в Тобольске лучше всего пишет Пьер Жильяр: «В сентябре в Тобольск приехал комиссар Панкратов, присланный Керенским. Его сопровождал в качестве помощника Никольский, бывший политический ссыльный, как и сам Панкратов. Последний был человек довольно образованный, по природе добрый и мягкий — тип сектанта-фанатика. Он произвел хорошее впечатление на Императора, благодаря чему его сразу полюбили и дети. Но зато Никольский был настоящее грубое животное, и вся деятельность его носила в высшей степени злостный характер. Едва успев прибыть, он потребовал от полковника Кобылинского, чтобы нас всех заставили сняться. На возражение же полковника, что такие фотографические снимки совершенно излишни, так как все солдаты хорошо нас знают еще с Царского Села, Никольский заявил: „Нас заставляли исполнять это прежде, а теперь их очередь проделать то же“. Пришлось пройти через эту процедуру, и с тех пор каждого из нас снабдили свидетельством личности с фотографической карточкой и с номером по списку.

Церковные службы справлялись сначала в доме, в большом зале верхнего этажа. Священнику Благовещенской церкви с диаконом и четырьмя монахинями Иоанновского монастыря было разрешено являться в дом для богослужения. Но за неимением престола и антиминса нельзя было служить обедню. Это было огромным лишением для Царской семьи. Наконец, 8 сентября, в день праздника Рождества Пресвятой Богородицы, узникам позволили в первый раз отправиться в церковь. Впоследствии, к сожалению, и это утешение

крайне редко выпадало на их долю. В эти дни вставали очень рано и, собравшись во дворе, выходили через калитку и городской сад, который проходили между двух шпалер солдат. Затем в пустой церкви, едва освещенной несколькими свечами, мы присутствовали за ранней литургией, на которую строго было запрещено допускать народ. По дороге в церковь или на обратном пути мне часто приходилось видеть, как люди при проходе Императора крестились и падали на колени. Да и вообще, жители Тобольска все время выказывали столь горячую привязанность, столь глубокую преданность Царской семье, что для того, чтобы воспрепятствовать народу, проходившему мимо дома, снимать шапки и креститься, часто требовалось вмешательство караульных постов».

Удивительным свидетельством о религиозной стороне жизни Царской семьи является отрывок из воспоминаний Панкратова, человека, которого никак нельзя было заподозрить в церковности. «На воле мне много приходилось слышать о том, что семья Николая и очень религиозна, что этим и объяснялось то влияние, которое имел Григорий Распутин на Царскую семью... Эта духовно-нравственная потребность Царственных пленников сначала удовлетворялась тем, что богослужение совершалось в зале губернаторского дома... Всю работу по обстановке и приготовлению зала к богослужению брала на себя Александра Феодоровна. В зале она устанавливала икону Спасителя, покрывала аналои, украшала их своим шитьем и пр. В 8 часов вечера приходил священник Благовещенской церкви и четыре монашенки из Ивановского монастыря. В зал собиралась свита, располагалась по рангам в определенном порядке, сбоку выстраивались служащие, тоже по рангам. Когда бывший Царь с семьей выходил из боковой двери, то и они располагались всегда в одном и том же порядке: справа Николай II, рядом Александра Феодоровна, затем Алексей и далее Княжны. Все присутствующие встречали их поясным поклоном. Священник и монашенки тоже. Вокруг аналоя зажигались свечи. Начиналось богослужение. Вся семья набожно крестилась, свита и служащие следовали движениям своих бывших повелителей. Помню, впервые на меня вся эта обстановка произвела сильное впечатление. Священник в ризе, черные монашки, мерцающие свечи, жидкий хор монашенок, видимая религиозность молящихся, образ Спасителя. Вереница мыслей сменяла одна другую...

„О чем молится, о чем просит эта бывшая Царственная семья? Что она чувствует?“ — спрашивал я себя.

Монашки запели: „Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человецех благоволение...“ Вся семья Николая II становится на колени и усердно крестится, за нею падают на колени и все остальные. В то время мне казалось, что вся семья бывшего Царя искренне отдается религиозному чувству и настроению».

Наступала суровая сибирская зима. «Когда дни сделались холоднее, — вспоминает П. Жильяр, — мы стали забираться на крышу оранжереи, чтобы немного погреться на солнце. Позднее мы даже

устроили там две скамейки и на них-то в течение всей долгой зимы и ранней весны мы проводили свои лучшие часы.

Император страдал от недостатка физического труда. Полковник Кобылинский, которому он на это пожаловался, приказал привезти березовые стволы, купил пилы и топоры, и мы могли теперь заготавливать дрова, в которых так нуждались на кухне, а также в доме для топки наших печей. Эта работа на открытом воздухе являлась для нас большим развлечением за время нашего пребывания в Тобольске. Великие Княжны в особенности горячо пристрастились к этому новому спорту...

Мы все были приглашены проводить вечера в кругу Царской семьи, и вскоре это вошло в привычку для большинства из нас. Устраивали игры и всячески старались найти способ рассеять как-нибудь узников в тяжелом однообразии их жизни. Когда настали большие морозы, зал от холода стал нежилым, и мы нашли себе пристанище в соседней комнате, в гостиной Государыни, представлявшей во всем доме единственный уютный уголок. Император часто читал вслух, в то время как Великие Княжны работали над каким-нибудь рукоделием или же играли с нами... И вот в такой-то мирной, чисто семейной обстановке мы проводили долгие зимние вечера, как бы затерянные в необъятных просторах Сибири. Одним из самых больших лишений за время жизни в Тобольске было почти полное отсутствие всяких известий. Письма доходили до нас... с огромным опозданием. Что же касается газет, то нам приходилось довольствоваться дрянным местным листком, печатавшимся на оберточной бумаге и дававшим лишь старые телеграммы с опозданием на несколько дней, да и те чаще всего появлялись здесь в искаженном и урезанном виде. Император с тревогой следил за развертывавшимися в России событиями. Он видел, что страна стремительно идет к своей гибели. Был миг, когда у него промелькнул снова луч надежды, — это в то время, когда генерал Корнилов предложил Керенскому идти на Петроград, чтобы положить конец большевистской агитации, становившейся со дня на день все более угрожающей. Безмерна была печаль Царя, когда Временное правительство отклонило и эту последнюю попытку к спасению Родины. Он прекрасно понимал, что это было единственное средство избежать неминуемой катастрофы. Тогда я, — пишет Жильяр, — в первый раз услышал от Государя раскаяние в своем отречении. Ведь он принял это решение лишь в надежде, что желавшие его удаления сумеют все же продолжать с честью войну и не погубят дело спасения России. Он боялся тогда, чтобы его отказ подписать отречение не повел к гражданской войне ввиду неприятеля. Царь не хотел, чтобы из-за него была пролита хоть капля русской крови... Императору мучительно было видеть теперь бесплодность своей жертвы и сознавать, что, имея в виду тогда лишь благо Родины, он принес ей вред своим отречением. Эта мысль, все еще приходя в голову Государя, все больше его угнетала, и впоследствии ей

суждено было сделаться причиной его глубокой душевной тоски и нравственного страдания».

А между тем к власти в Петрограде уже пришли большевики. Известие об этом событии дошло до Тобольска 15 ноября. 17–18 ноября спокойный стиль Императорского дневника будет нарушен: «Такая же неприятная погода с пронизывающим ветром. Тошно читать описания того, что произошло две недели тому назад в Петрограде и в Москве! Гораздо хуже и позорнее событий Смутного времени. Получилось невероятнейшее известие о том, что какие-то трое парламентариев нашей 5-й армии ездили к германцам впереди Двинска и подписали предварительные с ними условия перемирия! Подобного кошмара я никак не ожидал. Как у этих подлецов большевиков хватило нахальства исполнить их заветную мечту предложить неприятелю заключить мир, не спрашивая мнения народа, и в то время, что противником занята большая полоса страны?».

Несколько иное эмоциональное состояние мы видим в письмах Александры Феодоровны. В них также чувствуется глубокое переживание той трагедии, которая разворачивалась на глазах. Но сколько в этих письмах силы духа, веры и надежды на помощь Божию. К кому бы ни писала Императрица, для всех находила она слова поддержки и утешения. Обратимся только к некоторым из этих писем, писем — свидетельств христианской веры. «...Могу себе представить, — пишет она А. В. Сыробоярскому 29 ноября 1917 года, — как ужасно все, что там пережили [кровавые октябрьские события в Москве]. Тяжело неимоверно, грустно, обидно, стыдно, но не теряйте веру в Божию милость. Он не оставит Родину погибнуть. Надо перенести все эти унижения, гадости, ужасы с покорностью (раз не в наших силах помочь). И Он спасет, долготерпелив и милостив, — не прогневается до конца. Знаю, что Вы этому не верите, и это больно, грустно. Без веры невозможно было бы жить... Читаю газеты и телеграммы и ничего не понимаю. Мир, а немцы всё продолжают идти вглубь страны — им на гибель. Но можно ли так жестоко поступать? Боже мой, как тяжело!.. Как я счастлива, что мы не за границей, а с ней всё переживаем. Как хочется с любимым больным человеком все разделить, все пережить и с любовью и волнением за ним следить, так и с Родиной. Я чувствовала себя слишком долго ее матерью, чтобы потерять это чувство — мы одно составляем и делим горе и счастье. Больно нам она сделала, обидела, оклеветала, но мы ее любим все-таки глубоко и хотим видеть ее выздоровление, как больного ребенка с плохими, но и хорошими качествами, так и Родину родную...».

Императрица твердо верила, что испытания страны скоро кончатся. 18 февраля 1918 года она пишет Великой Княгине Ксении Александровне, сестре Императора: «...крепко верю, что время страданий проходит, что солнце опять будет светить над многострадальной Родиной. Ведь Господь милостив — спасет Родину, вразумит туманный ум».

Слова упования на Бога слышим мы и в письме Императора Великой Княгине Ксении Александровне от 24 января 1918 года: «...я не допускаю мысли, что те ужасы, бедствия и позор, которые окружают нас всех, продолжались долго. Я твердо верю, как и ты, что Господь умилосердится над Россиею и умирит страсти, в конце концов, да будет Его святая воля. Живем по-прежнему тихо и спокойно и постоянно вспоминаем о дорогой маме и вас милых».

Страдания страны и народа не бессмысленны, уверена Государыня: «Когда все это кончится? Когда Богу угодно. Потерпи, родная страна, и получишь венец славы. Награда за все страдания. Бывает, чувствую близость Бога, непонятная тишина и свет сияет в душе. Солнышко светит и греет и обещает весну. Вот и весна придет и порадует и высушит слезы и кровь, пролитые струями над бедной Родиной».

Подобные же страдания испытывает и Государь. В своей дневниковой записи он, как всегда, немногословен: «...сколько еще времени будет наша несчастная Родина терзаема и раздираема внешними и внутренними врагами? Кажется иногда, что дольше терпеть нет сил, даже не знаешь, на что надеяться, чего желать? А все-таки никто как Бог! Да будет воля Его святая!». Страдания и испытания посланы Богом, значит, их надо перенести с бодростью и надеждой на лучшее: «Господь испытывает, — пишет Императрица, — а потом облегчит, полечит все ужасные раны. Немного еще потерпеть, с новым годом будут лучшие дни — хотя много еще тяжелого впереди — больно, столько кровопролитий, больно ужасно! Но правда должна окончательно победить... Как же жить, если нет надежды? Надо быть бодрым, и тогда Господь даст душевный мир. Больно, досадно, обидно, стыдно, страдаешь, все болит, исколото, но тишина на душе, спокойная вера и любовь к Богу, Который Своих не оставит и молитвы усердных услышит и помилует и спасет». Государыня глубоко ощущает связь страданий страны и народа, от которых не отделяет себя, и страданий Христа Спасителя: «Боже, как все Христа распинают. Как Он ежечасно страдает из-за грехов мира... за нас Он умер, страдал и так мы Ему отплатили!.. Господи, помоги тем, кто не вмещает любви Божией в ожесточенных сердцах, которые видят только все плохое и не стараются понять, что пройдет все это; не может быть иначе, Спаситель пришел, показал нам пример. Кто по Его пути следом любви и страдания идет, понимает все величие Царства Небесного».

Страдания посылаются Богом не случайно, через их перенесение очищаются души человеческие, искупаются совершенные прежде грехи. Государыня отмечает это в своих письмах: «Все должны страдать за все, что сделали, но никто этого не понимает... Глубоко верю в Божие милосердие и справедливость — надо страдать за большой грех, искупить вину... Все головы потеряли, царство зла не прошло еще, но страдание невинных убивает... Ведь очень согрешили мы все, что так Отец Небесный наказывает Своих детей... Вот и Великий пост!

Очищаемся, умолим себе и всем прощение грехов, и да даст Он нам пропеть на всю Святую Русь „Христос Воскресе!“, да готовим наши сердца Его принимать, откроем двери наших душ... Отбросим старого Адама, облечемся в ризу света, отряхнем мирскую пыль и приготовимся к встрече Небесного Жениха. Он вечно страдает за нас и с нами и через нас; как Он и нам подает руку помощи, то и мы поделим с Ним, перенося без ропота все страдания, Богом нам ниспосланные. Зачем нам не страдать, раз Он, Невинный, Безгрешный вольно страдал? Искупаем мы все наши столетние грехи, отмываем в крови все пятна, загрязнившие наши души».

Утешение и крепость в перенесении скорбей дает узникам духовное чтение, молитва, богослужение, причащение Святых Таин. Множество раз в письмах Государыни говорится о духовной жизни ее и других членов семьи: «В молитве утешение: жалею я тех, которые находят не модным, не нужным молиться. Не понимаю даже, — пишет Государыня А. А. Вырубовой, — чем они живут, духовный мир далек от них, все суета и суета... Господь Бог дал нам неожиданную радость и утешение, допустив нас приобщиться Святым Христовым Таин, для очищения грехов и жизни вечной. Светлое ликование и любовь наполняют душу... Подумай, была три раза в церкви! О, как это утешительно было. Пел хор чудно, и отличные женские голоса; „Да исправится“ мы пели дома восемь раз без настоящей спевки, но Господь помог. Так приятно принимать участие в службе... Буду теперь с удовольствием творения Григория Нисского читать, их раньше не имела. Последнее время читала Тихона Задонского. Все-таки привезла из моих любимых книг с собою. Ты Библию читаешь?.. Там чудные вещи, — Иисуса Сираха, Премудрости Соломона и так далее. Я ищу все другие подходящие места — живешь в этом — и псалмы так утешают... Он [Государь] нам читал из жизни святого Николая Чудотворца, пока мы работали... Вышиваем мы покрывала, воздухи, на аналои покрывала — сестры Татьяна и Мария особенно искусно вышивают...». В страданиях и испытаниях умножается духовное ведение, познание себя, своей души. В некоторых из писем Государыня касается и необходимости духовного бодрствования, постоянной борьбы с грехом, с кознями врага: «Все можно у человека отнять, но душу никто не может, хотя диавол [подстерегает] человека на каждом шагу, хитрый он, но мы должны крепко бороться против него: он лучше нас знает наши слабости и пользуется этим. Но наше дело быть настороже, не спать, а воевать. Вся жизнь — борьба, а то не было бы подвига и награды».

Не скрывает Императрица и своих собственных немощей: «Раздражаюсь все-таки еще. Это мой большой грех, невероятная глупость... О! Я тоже слишком тебе знакомая, вспыльчивая... хочу исправиться, стараюсь; и бывает долго хорошо, потом вдруг опять...». Постоянные духовные усилия приводят Императрицу к всецелому преданию себя воле Божией: «Что впереди не догадываюсь. Господь знает и по-Своему творит. Ему все предала... Чем хуже здесь, тем лучше

и светлее будет там... Жизнь — школа тяжелая, тернистая, но зато там — будет мир, и тишина, и блаженство, туда стремится душа». Это блаженство души, устремленность к жизни вечной приносит радость в самих страданиях и великое утешение еще здесь, на земле: «Хочу дать тебе эту внутреннюю радость и тишину, которой Бог наполняет мне душу, — пишет Государыня А. А. Вырубовой, — разве это не чудо! Не ясна ли в этом близость Бога, ведь горе бесконечное — все, что люблю, — страдает, счета нет всей грязи и страданиям, а Господь не допускает уныния: Он охраняет от отчаяния, дает силу, уверенность в светлое будущее еще на этом свете... Душа моя и дух Богу принадлежат. Я чувствую ту радость, которую ты иногда испытывала после причастия или у святых икон. Как Тебя, Боже, благодарить? Я недостойна такой милости. О Боже, помоги мне не потерять, что Ты даешь! Душа ликует, чувствует приближение Жениха: грядет Он, скоро будем Его славить и петь „Христос Воскресе!“».

Наконец, к общему Пасхальному письму Великих Княжон князю Э. А. Эрстову от 7 апреля Императрица делает трогательную приписку: «...Весна идет, солнце светит, пташки чирикают, все просыпается — проснитесь и вразумитесь, бедные, серые, обманутые люди. Христос да воскреснет во всех сердцах. Маме поцелуй. Благослови Вас Бог. Желая счастья и здоровья». Лишь спустя несколько месяцев, после захвата власти большевиками, это стало сказываться на положении узников. Солдаты, охранявшие губернаторский дом, вскоре прониклись расположением к Царской семье. Но с приходом новой власти здесь образуется «солдатский комитет», который всячески самоутверждается, демонстрируя свою власть над Государем: то приказывает снять погоны, то разрушает ледяную горку, которую построили для царских детей. С 1 марта «Николай Романов и его семейство переводится на солдатский паек». В марте приходят известия о заключении Брестского мира. «Это такой позор для России и это равносильно самоубийству!» — таково было мнение Государя. Особенно его возмущало соглашение императора Вильгельма с «этими негодьями». Прошел слух, что условием мира немцы требуют выдачи им Царской семьи. «Если это не предпринято для того, чтобы меня дискредитировать, то это оскорбление для меня», — воскликнул Государь при этом известии. А Государыня добавила: «После того, что они сделали с Государем, предпочитаю умереть в России, нежели быть спасенной немцами».

Первый большевистский отряд прибыл в Тобольск во вторник 9/22 апреля, комиссар Яковлев осмотрел дом, познакомился с узниками. Через несколько дней он сообщил, что должен увезти Государя, уверяя, что ничего плохого с ним не случится. Предполагая, что Его хотят отправить в Москву для подписания сепаратного мира с Германией, Государь, которого ни при каких обстоятельствах не покидало высокое душевное благородство, твердо сказал: «Я лучше дам отрезать себе руку, чем подпишу этот позорный договор». Наследник в это время был болен, и везти его было невозможно.

Несмотря на страх за больного сына, Государыня принимает решение следовать за супругом; с ними отправилась также Мария Николаевна и некоторые из свиты и слуг — князь В. А. Долгоруков, доктор Е. С. Боткин, Т. И. Чемодуров, А. С. Демидова и И. Д. Седнев. Разлука была тяжким ударом для узников, но все скрывали свои мучения. «Чувствовалось, что они готовы всем пожертвовать, в том числе и жизнью, если Господь в неисповедимых путях Своих потребует этого для спасения страны».

Только 24 апреля / 7 мая члены семьи, оставшиеся в Тобольске, наконец, получили известие из Екатеринбурга: Государь, Государыня и Мария Николаевна заключены в дом Ипатьева. Когда здоровье Наследника поправилось, остальные члены Царской семьи, находившиеся в Тобольске, были также доставлены в Екатеринбург и заточены в том же доме, но большинство лиц, приближенных к семье, не были допущено к ним.

От Екатеринбургского периода осталось гораздо меньше свидетельств о жизни Царской семьи в заточении. Почти нет писем. В основном этот период известен нам по кратким записям в дневнике Императора и показаниям свидетелей по делу об убийстве Царской семьи. Тем важнее для нас свидетельство протоиерея Иоанна Сторожева, совершавшего последние богослужения в Ипатьевском доме.

Первый раз отец Иоанн служил там в воскресенье 20 мая / 2 июня 1918 года. К нему пришел солдат невзрачной наружности и сказал следующее: «Вас требуют служить к Романову». Не поняв о ком речь, отец Иоанн спросил: «К какому Романову?» «Ну, к бывшему Царю», — пояснил пришедший. Из последующих переговоров выяснилось, что Николай Александрович Романов просит совершить последование обедницы. «Я, — вспоминает отец Иоанн, — захватив все потребное для богослужения, пригласил отца диакона Буймирова, с которым, в сопровождении того же солдата, поехал в дом Ипатьева. С тех пор, как здесь помещена была семья Романовых, дом этот обнесли двойным дощатым забором... Задержавшись на короткий срок около запертой изнутри калитки... мы вошли внутрь второго забора, к самым воротам дома Ипатьева. Здесь было много вооруженных ружьями молодых людей, одетых в общегражданское платье, на поясах у них висели ручные бомбы. Эти вооруженные несли, видимо, караул. Провели нас через ворота во двор и отсюда через боковую дверь внутрь нижнего этажа дома Ипатьева. Поднявшись по лестнице, мы вошли наверх к внутренней парадной двери, а затем через прихожую — в кабинет налево, где помещался „комендант“. Везде, как на лестницах, так и на площадках, а равно и в передней, были часовые — такие же вооруженные ружьями и ручными бомбами молодые люди в гражданском платье. В самом помещении коменданта мы нашли каких-то двоих людей средних лет, помнится, одетых в гимнастерки.

Один из них лежал на постели и, видимо, спал, другой молча курил папиросы. Посреди комнаты стоял стол, на нем самовар, хлеб, масло. На стоявшем в комнате этой рояле лежали ружья, ручные бомбы и еще что-то. Было грязно, неряшливо, беспорядочно.

Вскоре явился какой-то молодой человек, одетый в гимнастерку, брюки защитного цвета, подпоясанный широким кожаным поясом, на котором в кобуре висел большого размера револьвер. Вид этот человек имел среднего «сознательного рабочего». Я, скорее, догадался, чем понял, что этот господин и есть комендант „дома особого назначения“, как именовался у большевиков дом Ипатьева за время содержания в нем семьи Романовых. На мой вопрос, какую службу мы должны совершить, комендант ответил: „Они просят обедницу“. Никаких разговоров ни я, ни диакон с комендантом не вели, я лишь спросил, можно ли после богослужения передать Романовым просфору, которую я показал ему. Комендант осмотрел бегло просфору и после короткого раздумья возвратил ее диакону, сказав: „Передать можете, но только я должен вас предупредить, чтобы никаких разговоров не было“. Мы облачились с отцом диаконом в комендантской, причем кадило с горящими углями в комендантскую принес один из слуг Романовых... Итак, взяв с собою все потребное для богослужения, мы вышли из комендантской в прихожую. Комендант сам открыл дверь, ведущую в зал, пропуская меня вперед... Зал, в который мы вошли, через арку соединялся с меньшим по размеру помещением — гостиной, где ближе к переднему углу я заметил приготовленный для богослужения стол. Но от наблюдения обстановки зала и гостиной я был отвлечен, так как, едва переступил порог в зал, как заметил, что от окон отошли трое: это были Николай Александрович, Татьяна Николаевна и другая старшая дочь, но которая именно, я не успел узнать. В следующей комнате, отделенной от зала, как я уже объяснил, аркой, находилась Александра Феодоровна, две младшие дочери и Алексей Николаевич. Последний лежал в походной складной постели и поразил меня своим видом: он был бледен до такой степени, что казался прозрачным... В общем, вид он имел до крайности болезненный, и только глаза у него были живые и ясные, с заметным интересом смотревшие на меня — нового человека. Одет он был в белую нижнюю рубашку и покрыт до пояса одеялом. Кровать его стояла у правой от входа стены, тотчас за аркой. Около его кровати стояло кресло, в котором сидела Александра Феодоровна, одетая в свободное платье, помнится, темно-сиреневого цвета. Никаких драгоценных украшений на Александре Феодоровне, а равно и дочерях, я не заметил. Обращал внимание высокий рост Александры Феодоровны, манера держаться, манера, которую нельзя иначе назвать как „величественной“. Она сидела в кресле, но вставала бодро и твердо каждый раз, когда мы входили и уходили, а равно и когда я по ходу богослужения преподавал „мир всем“, читал Евангелие или мы пели наиболее важные молитвословия. Рядом с креслом Александры Феодоровны, дальше по правой стене, стали обе ее младшие дочери, а затем сам Николай Александрович. Старшие дочери стояли в арке, а

отступая от них, уже за аркою, в зале стояли высокий пожилой господин и какая-то дама (мне потом объяснили, что это были доктор Боткин и состоящая при Александре Феодоровне девушка). Еще позади стояли двое служителей: тот, который принес нам кадило, и другой, внешнего вида которого я не рассмотрел и не запомнил. Комендант стоял все время в углу залы около крайнего дальнего окна на весьма, таким образом, порядочном расстоянии от молящихся. Более решительно никого ни в зале, ни в комнате за аркой не было. Николай Александрович был одет в гимнастерку защитного цвета, в таких же брюках, при высоких сапогах. На груди был у него офицерский Георгиевский крест. Погон не было. Все четыре дочери были, помнится, в темных юбках и простеньких беленьких кофточках. Волосы у всех у них были острижены сзади довольно коротко. Вид они имели бодрый, я бы даже сказал, почти веселый. Николай Александрович произвел на меня впечатление своей твердой походкой, своим спокойствием и особенно своей манерой пристально и твердо смотреть в глаза. Никакой утомленности или следов душевного угнетения в нем я не заметил. Показалось мне, что у него в бороде едва заметны седые волосы. Что касается Александры Феодоровны, то у нее — из всех — вид был какой-то утомленный, скорее даже болезненный. Я забыл отметить, что всегда особенно останавливало мое внимание, эта та исключительная — я прямо скажу — почтительность к носимому мною священному сану, с которой отдавали каждый раз поклон все члены семьи Романовых в ответ на мое молчаливое им приветствие при входе в зал и затем по окончании богослужения.

Богослужение — обедницу — мы совершали перед поставленным среди комнаты за аркой столом. Стол этот был покрыт шелковой скатертью с разводами в древнерусском стиле. На этом столе в стройном порядке и обычной для церкви симметрии стояло множество икон. Тут были небольшого, среднего и совсем малого размера складни, иконки в ризах — все это редкой красоты по своему выдержанному древнему стилю и по своей выделке. Заметил я еще икону Богоматери, которая при служении 20 мая занимала центральное место. Икона эта, видимо, очень древняя. Боюсь утверждать, но мне кажется, что изображение это то, которое именуется „Феодоровской“. Икона была в золотой ризе, без камней.

Став на свое место перед столом с иконами, мы начали богослужение, причем диакон говорил прошения ектении, а я пел. Мне подпевали два женских голоса (думается, Татьяна Николаевна и еще кто-то из них), порой подпевал низким басом Николай Александрович (так он пел, например, „Отче наш“ и другое). Богослужение прошло бодро и хорошо, молились они очень усердно. По окончании богослужения я сделал обычный отпуст со святым крестом и на минуту остановился в недоумении: подходить ли мне с крестом к молившимся, чтобы они приложились, или этого не полагается, и тогда бы своим неверным шагом я, может быть, создал в дальнейшем затруднения в

разрешении семье Романовых удовлетворять богослужением свои духовные нужды? Я покосился на коменданта, что он делает и как относится к моему намерению подойти с крестом. Показалось мне, что и Николай Александрович бросил быстрый взгляд в сторону коменданта. Последний стоял на своем месте в дальнем углу и спокойно смотрел на нас. Тогда я сделал шаг вперед, и одновременно твердыми и прямыми шагами, не спуская с меня пристального взгляда, первым подошел ко кресту и поцеловал его Николай Александрович, за ним подошла Александра Феодоровна и все четыре дочери, а к Алексею Николаевичу, лежавшему в кровати, я подошел сам. Он на меня смотрел такими живыми глазами, что я подумал: „Сейчас он непременно что-нибудь да скажет“. Но Алексей Николаевич молча поцеловал крест. Ему и Александре Феодоровне отец диакон дал по просфоре, затем подошли ко кресту доктор Боткин и названные служащие: девушка и двое слуг».

Условия жизни в «доме особого назначения» были гораздо тяжелее, чем в Тобольске. Стража состояла из двенадцати солдат, которые жили в непосредственной близости от узников, ели с ними за одним столом. Комиссар Авдеев, закоренелый пьяница, ежедневно изощрялся вместе со своими подчиненными в измышлении новых унижений для заключенных. Приходилось мириться с лишениями, переносить издевательства и подчиняться требованиям этих грубых и низких людей.

Вместе с Царской семьей оставались лишь доктор Евгений Боткин, который окружил узников заботой и был посредником между ними и комиссарами, пытаясь защищать их от грубости стражи, и несколько слуг испытанной верности: Анна Демидова, И. М. Харитонов, А. Е. Трупп и мальчик Леня Седнев.

Вера заключенных поддерживала их мужество, давала им силу и ясность в страданиях. Все они понимали возможность скорого конца. Даже у Цесаревича как-то вырвалась фраза: «Если будут убивать, только бы не мучили». Государыня и Великие Княжны часто пели церковные песнопения, которые против воли слушал караул. Почти в полной изоляции от внешнего мира, окруженные грубыми и жестокими охранниками, узники Ипатьевского дома проявили удивительное благородство и ясность духа. Их мысли и чувства выражены в стихотворении «Молитва», переписанном рукой Великой Княжны Ольги Николаевны.

Пошли нам, Господи, терпенье
В годину буйных мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.
Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейство ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.
И в дни мятежного волнения,

Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и оскорбленья
Христос Спаситель, помоги.
Владыка мира, Бог вселенной,
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый страшный час.
И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов.

В одном из писем Ольги Николаевны есть такие строки: «Отец просит передать всем тем, кто ему остался предан, и тем, на кого они могут иметь влияние, чтобы они не мстили за него, так как он всех простил и за всех молится, и чтобы не мстили за себя, и чтобы помнили, что то зло, которое сейчас в мире, будет еще сильнее, но что не зло победит зло, а только любовь».

Даже грубые стражи понемногу смягчились в общении с заключенными. Они были удивлены их простотой, их покорила полная достоинства душевная ясность, и они вскоре почувствовали превосходство тех, кого думали держать в своей власти. Смягчился даже сам комиссар Авдеев. Такая перемена не укрылась от глаз большевистских властей. Авдеев был смещен и заменен Юровским, стража заменена австро-германскими пленными и wybranными людьми из числа палачей «чрезвычайки» — «дом особого назначения» стал как бы ее отделением. Жизнь его обитателей превратилась в сплошное мученичество.

1/14 июля 1918 года отцом Иоанном Сторожевым было совершено последнее богослужение в Ипатьевском доме. Отец Иоанн пишет: «Наружный часовой, видимо, был предупрежден, так как при нашем приближении сказал через окошко внутрь ограды: „Священник пришел“. Я обратил внимание на совершенно необычное для уст красных наименование „священник“ и, всмотревшись в говорившего, заметил, что как он, так и вообще постовые на этот раз как-то выглядят интеллигентнее того состава, который я видел 20 мая. По-прежнему внутри за забором, на площадках лестницы и в доме было много вооруженных молодых людей, несших караул.

Едва мы переступили через калитку, как я заметил, что из окна комендантской на нас выглянул Юровский... На этот раз нас провели в дом прямо через парадную дверь, а не через двор. Когда мы вошли в комендантскую комнату, то нашли здесь такой же беспорядок, пыль и запустение, как и раньше. Юровский сидел за столом, пил чай и ел хлеб с маслом. Какой-то другой человек спал, одетый, на кровати. Войдя в комнату, я сказал Юровскому: „Сюда приглашали духовенство, мы явились. Что мы должны делать?“ Юровский, не здороваясь и в упор рассматривая меня, сказал: „Обождите здесь, а потом будете служить

обедницу...” Когда мы облачились, и было принесено кадило с горящими углями, Юровский пригласил нас в зал для служения. Вперед в зал прошел я, затем диакон и Юровский. Одновременно из двери, ведущей во внутренние комнаты, вышел Николай Александрович с двумя дочерьми, но которыми именно я не успел рассмотреть. Мне показалось, что Юровский спросил Николая Александровича: „Что, у вас все собрались?“ (Поручиться, что именно так он выразился, я не могу.) Николай Александрович ответил твердо: „Да, все“. Впереди, за аркой, уже находились Александра Феодоровна с двумя дочерьми и Алексеем Николаевичем, который сидел в кресле-каталке, одетый в куртку, как мне показалось, с матросским воротником. Он был бледен, но уже не так, как при первом моем служении, вообще выглядел бодрее. Более бодрый вид имела и Александра Феодоровна, одетая в то же платье, как и 20 мая. Что касается Николая Александровича, то на нем был такой же костюм, как и в первый раз. Только я не могу ясно себе представить, был ли на этот раз на груди его Георгиевский крест. Татьяна Николаевна, Ольга Николаевна, Анастасия Николаевна и Мария Николаевна были одеты в черные юбки и белые кофточки. Волосы у них на голове (помнится, у всех одинаково) подросли, и теперь доходили сзади до уровня плеч. Мне показалось, что как Николай Александрович, так и все его дочери на этот раз были, я не скажу, в угнетении духа, но все производили впечатление как бы утомленных. Члены семьи Романовых и на этот раз разместились во время богослужения так же, как и 20 мая. За аркой, в зале, стоял доктор Боткин, девушка и трое слуг: один высокого роста, другой — низенький, полный (мне показалось, что он крестился, складывая руку, как принято в католической церкви), и третий — молодой мальчик. В зале, у того же дальнего угольного окна, стоял Юровский. Больше за богослужением в этих комнатах никого не было.

Стол с иконами, обычно расположенными, стоял на своем месте: в комнате за аркой. Впереди стола, ближе к переднему углу, поставлен был большой цветок, и мне казалось, что среди ветвей его помещена икона, именуемая „Нерукотворный Спас“, обычного письма, без ризы. Став на свое место, мы с диаконом начали последование обедницы. По чину обедницы положено в определенном месте прочесть молитвословие „Со святыми упокой“. Почему-то на этот раз диакон, вместо прочтения, запел эту молитву, стал петь и я, несколько смущенный таким отступлением от устава. Но, едва мы запели, как я услышал, что стоявшие позади нас члены семьи Романовых опустили на колени, и здесь вдруг ясно ощутил я то высокое духовное утешение, которое дает разделенная молитва.

Еще в большей степени дано было пережить это, когда в конце богослужения я прочел молитву к Богоматери, где в высоко поэтических, трогательных словах выражается мольба страждущего человека поддержать его среди скорбей, дать ему силы достойно нести ниспосланный от Бога крест.

После богослужения все приложились к святому кресту, причем Николаю Александровичу и Александре Феодоровне отец диакон вручил по просфоре. (Согласие Юровского было заблаговременно дано). Когда я выходил и шел очень близко от бывших Великих Княжон, мне слышались едва уловимые слова: „Благодарю“. Не думаю, чтобы это мне только показалось.

Молча дошли мы с отцом диаконом до здания Художественной школы, и здесь вдруг отец диакон сказал мне: „Знаете, отец протоиерей, — у них там чего-то случилось“. Так как в этих словах отца диакона было некоторое подтверждение вынесенного и мною впечатления, то я даже остановился и спросил, почему он так думает? „Да так. Они все какие-то другие точно. Да и не поет никто“. А надо сказать, что действительно за богослужением 1/14 июля впервые (отец диакон присутствовал при всех пяти служениях, совершенных в доме Ипатьевых) никто из семьи Романовых не пел вместе с нами». Приближались трагические часы... Приготовления к казни делались в строжайшей тайне от ничего не подозревающих узников. Из дома удалили маленького Леонида Седнева.

По-видимому, наиболее ясно предвидел возможность скорой развязки доктор Боткин. Об этом свидетельствует его последнее письмо другу, где он пишет: «Не думаю, чтобы мне суждено было когда-нибудь откуда-нибудь еще писать. Мое добровольное заточение здесь настолько временем не ограничено, насколько ограничено мое земное существование. В сущности, я умер — умер для своих детей, для друзей, для дела... Я умер, но еще не похоронен, или заживо погребен — как хочешь: последствия почти тождественны... Меня поддерживает убеждение, что претерпевший до конца, тот и спасется». Письмо это так и не было дописано...

В ночь с 3/16 на 4/17 июля, примерно в начале третьего, Юровский разбудил Царскую семью. Им было сказано, что в городе неспокойно и поэтому им необходимо перейти в безопасное место. Минут через сорок, когда все оделись и собрались, Юровский вместе с узниками спустился на первый этаж и привел их в полуподвальную комнату с одним зарешеченным окном. Все внешне были спокойны. Государь нес на руках Алексея Николаевича, у остальных в руках были подушки и другие мелкие вещи. По просьбе Государыни в комнату принесли два стула, на них положили подушки, принесенные Великими Княжнами и Анной Демидовой. На стульях разместились Государыня и Алексей Николаевич. Государь стоял в центре рядом с Наследником. Остальные члены семьи и слуги разместились в разных частях комнаты и приготовились долго ждать — они уже привыкли к ночным тревогам и разного рода перемещениям. Между тем в соседней комнате уже столпились вооруженные, ожидавшие сигнала убийцы. В этот момент Юровский подошел к Государю совсем близко и сказал: «Николай Александрович, по постановлению Уральского областного совета вы будете расстреляны с вашей семьей». Эта фраза явилась настолько неожиданной для Царя, что он обернулся в сторону семьи, затем, как бы желая переспросить, обратился к коменданту, сказав: «Что? Что?» Присутствовавшие в комнате также успели произнести несколько бессвязных восклицаний. Государыня и Ольга Николаевна хотели перекреститься. Но в этот момент Юровский выстрелил в Государя из револьвера почти в упор несколько раз, и он сразу же упал. Почти одновременно начали стрелять все остальные — каждый заранее знал свою жертву. Расстреливаемые падали один за другим, еще не сраженные металась по комнате с криками отчаяния. Долго не могли убить дочерей Царя, — пули отскакивали от них. Позже обнаружилось, что в лифах у них были защиты бриллианты. Анна Демидова, державшая в руках две подушки, закрывалась ими от убийц. Тогда, подбежав, убийцы стали стрелять в упор, в голову. Уже лежащих на полу добивали выстрелами и ударами штыков. Когда, казалось, все было кончено, Алексей Николаевич вдруг слабо застонал — в него выстрелили еще несколько раз. Картина была ужасна — одиннадцать тел лежало на полу в потоках крови. Убедившись, что их жертвы мертвы, убийцы стали снимать с них драгоценности. Затем убитых вынесли на двор, где уже стоял наготове грузовик — шум его мотора должен был заглушить выстрелы в подвале. Еще до восхода солнца тела вывезли в лес в окрестности деревни Коптяки. В течение трех дней убийцы пытались скрыть свое злодеяние.

Большинство свидетельств говорит об узниках Ипатьевского дома, как о людях страдающих, но глубоко верующих, несомненно, покорных воле Божией. «Государь и Государыня верили, что умирают мучениками за свою родину, — пишет Пьер Жильяр, — они умерли мучениками за человечество. Их истинное величие проистекало не из их царского сана, а от той удивительной нравственной высоты, до которой они постепенно поднялись. Они сделали идеальной силой.

И в самом своем уничтожении они были поразительным проявлением той удивительной ясности души, против которой бессильны всякое насилие и всякая ярость и которая торжествует в самой смерти». Вскоре после того как было объявлено о расстреле Государя, Святейший Патриарх Тихон благословил архипастырей и пастырей совершать о нем панихиды. Сам Святейший 8/21 июля 1918 года во время богослужения в Казанском соборе в Москве сказал: «...на днях свершилось ужасное дело: расстрелян бывший Государь Николай Александрович... Мы должны, повинаясь учению Слова Божия, осудить это дело, иначе кровь расстрелянного падет и на нас, а не только на тех, кто совершил его... Мы знаем, что он, отречшись от престола, делал это, имея в виду благо России и из любви к ней. Он мог бы после отречения найти себе безопасность и сравнительно спокойную жизнь за границей, но не сделал этого, желая страдать вместе с Россией».

После отречения и ареста Государя и заключения всей Царской семьи в Царскосельском дворце оказались под арестом и те, кто добровольно решил остаться с ними. Это были лица близкие семье из числа придворных и дворцовые слуги. Некоторые из них были впоследствии удалены из дворца, как подруги Государыни А. А. Вырубова и Ю. А. Ден, или покинули дворец по разным причинам. Большинство же, тридцать девять человек, поехали с Царской семьей в ссылку в Тобольск. Позже прибыли в Тобольск еще шесть человек. Там они разместились с Царской семьей в губернаторском доме и доме Корнилова. Постепенно материальное положение заключенных ухудшается. В январе 1918 года дворцовые служащие получают увольнение. Царская семья переводится на солдатский паек. В это время двенадцать слуг были уволены.

Ближе всего к Государю во время заключения стояли генерал-адъютант Илья Леонидович Татищев и князь Василий Александрович Долгоруков. Государь с ними гулял, разговаривал, пилил дрова. Они же заботятся о материальных нуждах семьи.

Генерал Татищев (1859–1918) не принадлежал к числу придворных. Когда А. Ф. Керенский предложил Государю на выбор ряд лиц взамен обер-гофмаршала П. К. Бенкендорфа, не смогшего ехать в Тобольск из-за болезни жены, Государь указал на Татищева, на что тот с радостью согласился. «Глубоко благородный и предельно честный, с христианской душой и кротким характером, он стал вскоре общим любимцем среди заключенных в Тобольске. С большим внутренним запасом духовных сил он умел быть всегда спокойным, ровным, внося бодрость в окружающих и стараясь различными рассказами и воспоминаниями сокращать долгие досуги томительных дней заключения в Тобольске».

Князь Долгоруков (1868–1918), пасынок обер-гофмаршала П. К. Бенкендорфа, был генерал-майором свиты Его Величества в должности гофмаршала Высочайшего Двора. Во время войны он состоял при Императоре в Ставке Верховного Главнокомандующего и, приехав с

арестованным Государем в Петроград, в отличие от многих других лиц из свиты, остался с ним.

С Государыней в особо близких отношениях находилась Ее фрейлина графиня Анастасия Васильевна Гендрикова. Ее мать — Софья Петровна была подругой Императрицы. После ее смерти от тяжелой болезни Императрица часто навещала и утешала Настеньку в ее горе. Царица и Царевны любили ее почти как члена семьи. Осталась она с Царской семьей, «ибо как глубоко религиозный человек, не боялась смерти и была готова к ней». Ее дневники и письма свидетельствуют о «полном смирении ее перед волей Божией и о готовности принять предназначенный Всевышним Творцом венец, как бы тяжел он не был».

Гофлектрисса Государыни Екатерина Адольфовна Шнейдер, лютеранского вероисповедания, учила Императрицу русскому языку в бытность ее невестой Государя. До того она учила и Великую Княгиню Елизавету Феодоровну. Она была и первой учительницей Царских детей. Императрице она служила и секретарем, и гардеробмейстершей. Все покупалось и заказывалось через нее. «Была очень культурна, исполнительна, скромна и очень работоспособна. Отличалась ровным характером и исключительной добротой». В Царском Селе и Тобольске А. В. Гендрикова и Е. А. Шнейдер занимаются обучением Царских детей. Семейным врачом Государя был лейб-медик Евгений Сергеевич Боткин (1865–1918), сын знаменитого врача С. П. Боткина. Уже в студенческие годы Е. С. Боткин относился к врачебной практике как к деятельному служению ближним, позже участвовал в Русско-Японской войне, а в 1908 году стал семейным врачом Николая II. Был лично предан Государю, хотя и не принадлежал к числу придворных. Общение с глубоко религиозной Царской семьей помогло Е. С. Боткину, бывшему в молодости религиозно индифферентным, обрести веру. В момент ареста Царской семьи, когда дети были тяжело больны корью, доктор Боткин остался с ними и уже не разлучался до конца. В Тобольске, а потом в Екатеринбурге, в доме Ипатьева, он не прекращал требовать от комиссаров облегчения условий жизни для своих пациентов. Есть сведения, что в Екатеринбурге доктору Боткину было предложено покинуть «дом особого назначения», но он с негодованием отверг такую возможность, сославшись на данное им слово не покидать Царскую семью до конца и моральный долг по отношению к больному Наследнику. Боткин, в отличие от других узников, до последнего мгновения не подозревавших о скорой трагической развязке, ясно предвидел такую возможность.

Из числа слуг к Императрице ближе всего стояли комнатные девушки; в Тобольске их было четверо. Они жили в одном доме с Царской семьей и питались с ними за одним столом. Видимо наибольшим доверием из них пользовалась Анна Степановна Демидова (1878–1918). Окончив курс Санкт-Петербургского

Демидовского училища, она с 1898 года находилась на службе по придворному ведомству.

К Наследнику был приставлен «дядька» Климентий Григорьевич Нагорный, уроженец Ярославской губернии, матрос гвардейского экипажа, плававший на императорской яхте «Штандарт». В его обязанности входило охранять Алексея Николаевича, носить его во время болезни, развлекать.

Другой матрос со «Штандарта», Иван Дмитриевич Седнев (родился в 1886 году), родом из Углича, числился детским лакеем и официантом Их Величеств.

Иван Михайлович Харитонов (1870–1918), «коренной придворный повар», на службе во дворце состоял с 1882 года и был, видимо, старшим среди десяти человек, приставленных к кухне в Тобольске. Алоизий (Алексей) Егорович Трупп (1856–1918), римо-католического вероисповедания был уроженцем Витебской губернии. На службе во дворце состоял с 1883 года, был лакеем первого разряда при комнатах Ее Императорского Величества.

Когда 13/26 апреля из Тобольска увозят Государя, Государыню и Великую Княжну Марию, с ними отправляются князь В. А. Долгоруков, Е. С. Боткин, А. С. Демидова, И. Д. Седнев и камердинер Государя Т. И. Чемодуров. По прибытии все они заключаются в дом Ипатьева, кроме В. А. Долгорукого, который был сразу заключен в тюрьму. Остальные лица свиты и слуги прибывают в Екатеринбург вместе с Царскими детьми позже, 10/23 мая. Во время плавания на пароходе «Русь» К. Г. Нагорный защищал Наследника от произвола комиссара Родионова, запершего его в каюте на ключ, чем вызвал на себя гнев и угрозы большевиков. По прибытии в Екатеринбург никто из двадцати шести человек свиты, кроме К. Г. Нагорного, И. М. Харитонова и четырнадцатилетнего поваренка Л. Сиднева, не был допущен в дом Ипатьева. И. Л. Татищев, А. В. Гендрикова, Е. А. Шнейдер и камердинер Государя А. А. Волков были арестованы. Почему именно их арестовали большевики, не совсем ясно, видимо их считали наиболее близко стоящими к семье.

1/14 мая Т. И. Чемодуров заболел и был отправлен в тюремную больницу, там о нем забыли, и он избежал расстрела. Вместо него в дом Ипатьева был допущен А. Е. Трупп.

14/27 мая К. Г. Нагорный и И. Д. Седнев были вызваны в Областной совет и заключены в тюрьму. Причиной было то, что они пытались защитить узников, спорили со стражей из-за царских вещей. Нагорный помешал охраннику взять золотую цепочку, на которой висели образки в изголовье кровати Наследника. Вскоре оба были расстреляны недалеко от города.

Находясь в тюрьме, И. Л. Татищев продолжал поддерживать других узников и говорил о своей решимости быть верным Государю до конца. 27 июня/10 июля И. Л. Татищеву и В. А. Долгорукову, вызванным в тюремную контору были вручены ордера с предписанием покинуть в двадцать четыре часа пределы Уральской области, хотя они

об этом не просили. Однако, по выходе из тюрьмы, вооруженные люди из «чрезвычайки» вывели их в глухое место за Ивановским кладбищем и расстреляли. Брошенные без погребения тела их были опознаны после занятия Екатеринбурга белыми.

Доктор Е. С. Боткин, А. С. Демидова, И. М. Харитонов и А. Е. Трупп были расстреляны в подвале дома Ипатьева вместе с Царской семьей в ночь с 3/16 на 4/17 июля. А. В. Гендрикова, Е. А. Шнейдер и А. А. Волков находились в тюрьме до 7/20 июля. Незадолго до занятия города белыми их отправили вместе с другими заключенными в Пермь. Там они содержались в очень тяжелых условиях, все их вещи были отобраны. А. В. Гендрикова проявила наибольшую стойкость в заключении, иногда даже пела, чтобы поддержать других.

22 августа/4 сентября Е. А. Шнейдер, А. В. Гендрикова и А. А. Волков были вызваны в тюремную контору, им было предложено собрать вещи. В числе группы из одиннадцати заключенных их повели глухой ночью за город. По дороге А. А. Волкову удалось бежать. Остальные были убиты выстрелами и ударами прикладов. После вступления белых в город тела А. В. Гендриковой и Е. А. Шнейдер были опознаны и преданы погребению.

Святые страстотерпицы Царь Николай, Царица Александра, Царевич Алексей, Великие Княжны Ольга, Татиана, Мария и Анастасия были канонизированы Архиерейским Собором Русской Православной Церкви в 2000 году. Память их празднуется 4/17 июля.

Источники

1. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея Руси, и позднейшие о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. М., 1994.
2. Алферьев Е. Е. Император Николай II как человек сильной воли. Джорданвилль, 1983.
3. Антоний (Вадковский), митр. Речи, слова и поучения. СПб., 1912.
4. Дитерихс М. К. Убийство Царской семьи и членов Дома Романовых на Урале. М., 1991. Ч. 2.
5. Дневник Императора Николая II. 1894–1918. М., 1991.
6. Дневники прот. А. И. Беляева, настоятеля Феодоровского собора в Царском Селе // Исторический архив.
7. Дубенский Д. Н. Как произошел переворот в России // Отречение Николая II. М., 1990.
8. Жильяр П. Император Николай II и Его Семья. Репр. воспр. изд. 1921 года. М., 1991.
9. Жильяр П. Трагическая судьба Русской Императорской фамилии. Таллинн.
10. Кобылинский Е. С. Воспоминания. Царствование и мученическая кончина Императора Николая II. Париж, 1993.
11. Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919. М., 1993.
12. Кузнецов Н. Д. Преобразования в Русской Церкви. Рассмотрение вопроса по официальным документам и в связи с потребностями жизни. М., 1906.
13. Мельник (Боткина) Т. Е. Воспоминания о Царской семье. М., 1993.
14. Мосолов А. А. При Дворе последнего Российского Императора. М., 1993.
15. Наследование престола по основным государственным законам. Париж, 1922.
16. Ольденбург С. С. Царствование Императора Николая II. Репр. воспр. изд. 1933 года. М., 1992. Т. I.
17. Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. Репр. воспр. изд. 1900 года. Л., 1927.
18. Панкратов В. С. С Царем в Тобольске // Мельник (Боткина) Т. Е. Воспоминания о Царской семье. М., 1993.
19. Письма Царской семьи из заточения. Джорданвилль, 1974.
20. Польский М., протопресв. Новые мученики Российские. Собрание материалов. Нью-Йорк, 1957.
21. Соколов Н. А. Убийство Царской семьи. М., 1990.
22. Церковные ведомости. 1906. № 14.

Материалы предоставлены комиссией Екатеринбургской Епархии по канонизации святых

PS

Хочу внести некоторую ясность в деле об «отречении» от престола Государя Императора Всероссийского Николая Второго.

Лично для меня бумажка (не гербовая!) с машинописным текстом и подписью карандашом (!!!) не может рассматриваться юридически как акт отречения. Акт должен был быть исполнен на официальном бланке, императорском листе с императорской печатью. Государь Император Николай Второй должен был быть приглашен на заседание Государственной Думы, где в лихие 1917-1918 годы с трибуны обязан был провозгласить свое отречение!

Раз такового не было, то подобное преподнесение заинтересованными людьми как «отречение» - всего лишь фикция, к законодательству Российской Империи не имеющее никакого отношения.

Потому азь, как прптоиерей Русской Православной Церкви, поминал и поминаю святых страстотерпцев, как Императора и Императрицу...

Неделя святых новомучеников и исповедников Церкви Русския, 2023 г.

Прот. Владимир Щанов.